C 31

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМНАТА | ШКАФЪ
ПОЛКА | №
ИНВЕНТАРЯ

КАГО
ЕЯ.

III 091
4925

№ 2367.

Департамент просвещ.

Ср. Ж 939
9/44
4925
41084

СЕН-КЛУДСКІЙ ЖУРНАЛЪ НАПОЛЕОНОВЫХЪ

ЗНАМЕНИТЫХЪ ДѢЛЪ, ЗЛАТЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЙ И ВЕЛИКИХЪ МѢРЪ

ВЪ ИТАЛІИ, ФРАНЦІИ, ЕГИПТѢ, ГЕРМАНІИ, ИСПАНІИ и РОССІИ,

содержащій въ себѣ вѣрный чертежъ знаменитыхъ пожертвованій Наполеоновыхъ, подъятыхъ для завоеванія цѣлаго свѣта и для прославленія своего великаго имени.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Проверено 1936 г.

Иждивеніемъ Университетскаго книгопродавца Александра Ширяева.

МОСКВА, 1814.
Въ Университетской Типографіи.

Императорскаго Александровскаго Лицея Библиотека
Фундаментальный Научной библиотеки Ур. Г.У. фонд
Уральский ... им. ... Фундаментальная библиотека

09:9(44)[Наполеон I]

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Февраля 13 дня 1814 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

№ 1940

I.

АДСКОЙ ЗАРОДЫШЪ.

Это былъ Якобинской клубъ въ Парижѣ, которой въ 1796мъ году усилился до того, что могъ уже нѣкоторымъ образомъ противиться Пятисотному Совѣту и Директорїи. Въ этомъ клубѣ предсѣдательствовалъ прежнїй Аббатъ Сїей, *глава* тайной господствовавшей шайки, и между тѣмъ всегдашнїй *закулисный* герой революцїонной пїесы, *приводившїй въ движенїе* клубы, покровительствовавшїй распутству, и самой жаркой республиканецъ. Между прочими членами сего клуба замѣчательнѣе всѣхъ были: Баррасъ, Фуше, Редererъ, Зигесъ, Вольней, Реаль, Шапталь, Бурьень и Луцїанъ Бонапарте. Первое засѣданїе сихъ отборныхъ клубистовъ происходило въ прежнемъ Дворцѣ Ноэльскомъ, гдѣ разсуждаемо было о тайныхъ мѣрахъ усилить партїю и низпровергнуть постановленїе, начинавшее угрожать Якобинцамъ въ кровожадныхъ ихъ намѣренїяхъ. Правила сихъ изверговъ состояли въ томъ, чтобъ не

имѣть никакого правленія, дѣлать все по своему желанію, дать волю страстямъ и распространить вольность по всему свѣту.

Каждой изъ сихъ членовъ отличался своимъ характеромъ: *Сіей* во время монархическаго правленія, будучи подозрѣваемъ въ революціонныхъ мысляхъ, объявилъ торжественно, что онъ никогда не думалъ измѣнить Королю; ибо увѣренъ, что гражданинъ въ Монархіи больше наслаждается вольностію, нежели въ республикѣ. Но сдѣлавшись Предсѣдателемъ Якобинскаго клуба, явно вопіялъ, что когда не было еще республики во Франціи, то видѣли болѣе республиканцевъ и своевольнаго духу, нежели въ 1796 году. — *Баррасъ* имѣлъ нравъ и грубость рядоваго солдата, но не имѣлъ твердаго и рѣшительнаго духа; въ немъ не было великихъ свойствъ, а потому и не считался опаснымъ для тѣхъ, которые желали владычествовать. — *Фуше*, совершенный безбожникъ, безъ всякой нравственности, имѣющій безчувственное и испорченное сердце, готовый на всякое злодѣяніе, лишь бы получить отъ того какую нибудь для себя выгоду. — *Редererъ*,

отчаянный разбойникъ. — *Зигесъ*, лукавый человѣкъ и величайшій обманщикъ. — *Вольней*, производитель бунтовъ. — *Реаль*, неистовый злодѣй и кровопійца. — *Шалталь*, отчаянный человѣкъ и вольнодумецъ. — *Бурьенъ*, хитрый, коварный и сребролюбивый человѣкъ. — *Люціанъ Бонапарте*, необузданный въ своевольствѣ мыслей и поступковъ, и записной Якобинецъ.

Сіи страшилища людей дѣйствовали, говорили и писали по начертанному плану Барраса и Сіея, которымъ хотѣлось возвысить человѣка, отличавшагося революціонными дѣлами и показавшаго лютый свой характеръ во время осады Тулона. На сей конецъ Якобинцы распускали слухи и печатали въ публичныхъ листахъ, что Генералы Италіянской арміи, а особливо Пишегрю, не имѣютъ ни талантовъ, нужныхъ для людей военныхъ, ни должной вѣрности къ Республикѣ. *Пишегрю*, говорили они, *заключивъ перемиріе съ Австріійцами, нанесъ великой ударъ Франціи, и посредствомъ денегъ, полученныхъ имъ отъ Австріи, составилъ въ Парижѣ Комитетъ по своему выбору, въ которомъ на-*

чертывается планъ вреднаго мира. Съ одной стороны Якобинцы, а съ другой Баррасъ, сыпавшій деньги, поддерживали мнѣнія легковѣрныхъ, приставшихъ ко многочисленной партіи, свергнуть храбраго Пишегрю, и послать на его мѣсто Генерала, привержениаго къ націи. Якобинцы сочиненіями своими вскружили всѣмъ головы; имъ удалось произвести несогласіе въ самой Директоріи и бросить яблоко раздора въ бурливой Пишисотный Совѣтъ. Правители Парижа раздѣлились на партіи. Тогда явился на сцену Бонапартъ съ девизомъ: *divide et impera*, т. е. *раздѣли и повелѣвай!* Онъ обнявилъ себя дѣйствительнымъ республиканцемъ, увидѣвъ, что сія партія была сильнѣе Роялистской, притворился съ хитростію, ему свойственною, быть въ повиновеніи Директоровъ, и удачно обманулъ въ томъ Барраса и Сіея.

Бонапартъ, прокладывая себѣ дорогу къ будущему возвышенію, убѣдилъ Директоровъ возвѣстить народу, что миръ не можетъ состояться; потому что, заключивъ оной, Франція потеряла бы ту сво-

боду, коею пользуется. Между тѣмъ тайныя его условія съ Баррасомъ обнаруживались каждой день новыми распоряженіями, клонившимися къ продолженію войны, и въ которыхъ видны были замыслы не предпріимчиваго Барраса, но гордаго Корсиканца, не имѣющаго ни любви, ни сожалѣнія къ Французскому народу.

Директоры держали совѣтъ для изысканія средствъ къ продолженію войны, имѣя во всемъ крайній недостатокъ, и оставались въ нерѣшимости, къ какому прибѣгнуть средству. Но скоро вышли изъ недоумѣнія, получивъ отъ Бонапарта прожектъ, въ которомъ онъ предлагалъ за неимѣніемъ денегъ собирать необходимыя вещи натурою: на примѣръ, всѣ лошади и мулы, кои не всегда употребляются для земледѣлія и торговаго оборота, а сверхъ того еще каждая 30я лошадь, или мулъ, во всей Республикѣ должны быть поставлены для службы при арміяхъ. Правительство должно производить платежи свои не деньгами, но письменными видами, и проч. Директорія приняла сей прожектъ съ неизъяснимою радостію, и согласно

съ онымъ сдѣлала предложенїе Совѣту, которой, подивясь мудрости Директоровъ, учинилъ по сему свои распоряженїя.

Между тѣмъ, какъ подобныя сему приготовленїя производились внутри Францїи, Бонапартъ разсылалъ великїя суммы денегъ въ Италїю, и такимъ средствомъ прокладывалъ себѣ дорогу къ побѣдамъ и преобладанїю. Тайные агенты его съ неусыпностїю работали въ Туринѣ, Миланѣ, Римѣ и даже въ самой Вѣнѣ. Главное Бонапартово правило было то, чтобы, такъ сказать, *обморочить* женщинъ, поселить въ нихъ распутство и чрезъ нихъ дѣйствовать. Самъ же онъ производилъ различныя интриги въ революцїонной столицѣ, и посредствомъ глупой Директорїи обременялъ народъ разными насильственными требованїями. Ему хотѣлось удовлетворить врожденной своей склонности быть *извѣстнымъ*, хотя бы это стоило половины Францїи; при всемъ томъ зналъ онъ, что убїйства, произведенныя имъ въ Тулонѣ, доставили ему степень Генерала, и заставили Барраса и Салиметти отдать ему справедливость въ искуствѣ *изтреблять* родъ чело-

вѣческой. Сїя мѣра показалась ему удобнѣйшею для достиженїя къ своей цѣли; а потому и не опустилъ удобнаго случая. Бонапартъ, подружившись съ гражданиномъ Карно, имѣлъ съ нимъ частыя свиданїя, и среди дружескихъ бесѣдъ научался отъ него теорїи вести войну въ настоящихъ обстоятельствахъ. Одинъ разъ спросилъ онъ у своего пріятеля: „что полагаете вы необходимымъ въ предстоящей войнѣ въ Италїи?“ — *Деньги и силу* — отвѣчалъ Карно. — „Какъ! — возразилъ Бонапартъ — развѣ не нуженъ свѣдущїй полководецъ?“ — Да, примолвилъ Карно: *еслибъ послали меня, или васъ, то мы надѣлали бы то же, что и доброй солдатъ Журданъ* (*). — Карно подалъ мысль, а Бонапартъ съ ехидствомъ воспользовался оною. На другой день послѣ сего свиданїя, Директорїя велѣла во всей строгости исполнить узаконенїе, чтобы всѣхъ молодыхъ людей отсылать къ армїи, и подвергла за то отче-

(*) Во время Американской войны Журданъ служилъ подъ командою Г. Рошамбо простымъ солдатомъ.

ту всѣ городовыя начальства. Сіи должны были отыскивать всѣхъ скрывавшихся молодыхъ людей, и тѣхъ, кои давали имъ убѣжище, отправлять въ тюрьму.

Нѣкоторые изъ Якобинцовъ, проникнувъ въ тайныя связи Бонапарта и въ скрытные его замыслы, начинали уже не довѣрять ему; многіе изъ нихъ были столько неосторожны, что говорили явно о его надменности и противныхъ поступкахъ, предписываемыхъ духомъ и правилами Якобинизма; и если бы не увѣренія Люціана Бонапарта въ противномъ мнѣніи, то Наполеонъ Бонапарте былъ бы удавленъ, или повѣшенъ на фонарномъ столбѣ. Люціанъ пересказалъ о томъ брату, которой изъ трусости дѣлалъ различныя подлости, показывалъ себя совершеннымъ Якобинцомъ, и старался еще превзойти ихъ въ вольнодумствѣ и распутствахъ. Такъ поступалъ онъ явно; но, будучи подстрекаемъ врожденною злостію, старался истребить тѣхъ, которые хотѣли погубить его. Онъ не замедлилъ донести Баррасу, что нѣкоторые Якобинцы, о коихъ и подалъ списки, открыты участниками въ заговорѣ про-

тивѣ Директорїи, и если не будутѣ приняты строгїя мѣры, то онѣ (*Баррасъ*) первый долженѣ опасаться ихѣ злости. Тотчасѣ опряжена была команда, и опаснѣйшїе члены Якобинскаго клуба вѣ Пантеонѣ арестованы и отправлены вѣ такое мѣсто, гдѣ участь ихѣ осталась неизвѣстною.

Бонапарту не нравилось позволенїе, данное Роялистамѣ, Террористамѣ и Анархистамѣ, свободно писать другѣ противѣ друга, чаятельно, отѣ предчувствїя, что писатели обнаружатѣ предѣ свѣтомѣ всѣ его дѣянїя, которыя не прославятѣ, но посрамить его могутѣ. Вѣ самомѣ дѣлѣ появлялись уже вѣ Парижѣ колкїя эпиграммы на счетѣ Бонапарта, Барраса и Корсиканца Салиչетти. Правительство запретило свободу книгопечатанїя, но не имѣло власти остановить хода сатирѣ, которыя вѣ великомѣ множествѣ были разсѣваемы вѣ Парижѣ.

Коварный Бонапартѣ, бывѣ извѣщенѣ, что наборѣ молодыхѣ людей производится весьма неуспѣшно, изобрѣлѣ новое средство кѣ дополненїю армїи людьми сколь-

ко здоровыми, сколько и отважными. Онъ подустилъ нѣкоторыхъ Якобинцовъ обвявить Директоровъ неспособными управлять Франціею, и подумать о выборѣ Диктатора, которой бы имѣлъ болѣе способности, нежели нынѣшніе правители, утопающіе только въ роскоши и разоряющіе Республику. Вооруживъ такимъ образомъ Якобинцовъ, не упустилъ объявить по секрету Директорамъ, что они и Парижъ находятся въ опасности отъ многочисленной толпы Якобинцовъ, особливо такъ называемаго Пантеонскаго клуба, которой имѣетъ уже болѣе 4000 членовъ. Директорія, пославши туда своихъ шпіоновъ, имѣла неудовольствіе услышать о вредномъ для нее расположеніи Якобинцовъ. Въ отвращеніе гибельныхъ слѣдствій, Директоры приказали уничтожить и запретить всѣ клубы и собранія какъ Якобинцовъ, такъ и противниковъ ихъ, Роялистовъ, и вооруженною силою запереть мѣста собранія въ Пантеонъ, въ Пале-Роялѣ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Послѣ того обнародовано было повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Поелику Директорство запрещеніе клубовъ

и возмутительныхъ собраній считаетъ недостаточнымъ для утвержденія спокойствія въ Парижѣ, то приказываетъ полиціи безпокойныхъ и недовольныхъ отыскивать и забирать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы ни нашли ихъ, хотя бы и среди баловъ, и отсылать въ армію.

Тогда на семи Парижскихъ площадяхъ и на всѣхъ перекрестныхъ улицахъ прибиты были листочки, на коихъ всякой читалъ слѣдующее: „Знаете ли, граждане, что-нибудь горшее самаго рабства? Друзья мои! это — слышать о вольности, сидя въ оковахъ. Слово: *вольность*, раздается съ утра до вечера въ нашихъ ушахъ, и ни гдѣ однакожъ народъ не стонетъ подъ злѣйшимъ тиранствомъ, какъ Французы, съ того времени, какъ назвались вольными республиканцами.“

Сіи листки раздражили Бонапарта; но онъ не имѣлъ ни силы, ни власти насытить свою злобу, а потому принужденъ былъ скрывать оную отъ великаго числа недовольныхъ, особливо отъ брата своего Люціана, которой не пощадилъ бы и его, если бы подлинно зналъ, что свободное

отправленїе клубскихъ бесѣдъ пресѣчено по его предложенїю. Но хитрый Бонапартъ такъ искусно игралъ роль свою, что Люцїанъ даже считалъ его ревностнымъ защитникомъ Якобинцовъ. Онъ подалъ имъ способы держать свои тайныя сходбища во многихъ мѣстахъ, и чрезъ то выполнялъ свои замыслы, ссорилъ и мирилъ разныя партїи въ обоихъ Совѣтахъ, какъ скоро находилъ это для себя нужнымъ.

II.

ПОСТУПОКЪ БОНАПАРТА СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ АНЖЕРО.

Бонапартъ, завидуя отличнымъ достоинствамъ Генерала Анжеро, оклеветалъ его предъ Директорами, и настоятельно требовалъ удаленїя его. Злость сїя началась въ Бонапартѣ съ того времени, когда Анжеро не согласился на его предложенїя уменьшить оба Совѣта до ста Членовъ, и учредить только одинъ Совѣтъ подъ названїемъ *Французскаго Сената*, которой бы состоялъ подъ управленїемъ *единственнаго Шефа*. Анжеро, бывъ всегда вѣренъ конституцїи, отвергнулъ такое безчестное

предложенїе. За симъ послѣдовали угрозы. Анжеро съ своей стороны хотѣлъ показать истину, и открыть замыслы Бонапарта. Уже многїя обвинительныя бумаги на Бонапарта и Ребеля были изготовлены, и злобный Корсиканецъ былъ бы обнаруженъ, заступилъ бы мѣсто невиннаго Пишегрю, какъ вдругъ Директорство сняло съ Генерала Анжеро команду надъ Верхне-Реинскою армїею, и отправило его въ Перпиньянъ къ границамъ Испанїи, подъ пустымъ предлогомъ небывалой тайной экспедицїи. Лишь только Генералъ сей выѣхалъ изъ Парижа, какъ посланъ былъ курьеръ къ Бонапарту съ извѣщенїемъ о раскасированїи Анжеровой армїи и объ уничтоженїи генеральнаго его Штаба.

III.

БОНАПАРТЪ ВЪ МАЛЬТѢ.

1798 Года Іюня 9го Бонапартъ съ военнымъ флотомъ изъ 13 линейныхъ кораблей и изъ 400 небольшихъ судовъ съ 40 тысячами сухопутнаго войска явился предъ малымъ островомъ Мальтою. За чѣмъ? Это не тайна. Публичные Париж-

скіе листки объявляли, что онъ хотѣлъ запастись свѣжею водою въ разныхъ мѣстахъ сего острова. — Но на всемъ островѣ нѣтъ текучей воды, кромѣ одного источника при утесѣ въ срединѣ острова. Какъ же запастись водою тамъ, гдѣ нѣтъ ее? Развѣ Бонапартъ, запасаясь въ Сардиніи всѣмъ нужнымъ, забылъ наполнить бочки хорошею водою? Нѣтъ, онъ не пропустилъ этого. Но безчисленныя сокровища, перевезенныя въ Мальту изъ Франціи и изо всей Италіи, имѣли для него такую прелесть, что онъ никакъ не могъ пропустить случая завладѣть ими.

Въ Мальтѣ завладѣть сокровищами не такъ-то легко. Въ 1565 году Турки тщетно покушались взять Мальту. Какая старина! Но тогда были Мальтійскіе рыцари, которые имѣли въ себѣ такую грубость и необразованность, что не прельщались ни деньгами, ни бриліянтами. Тогда упрямые рыцари хотѣли только сражаться, и не думали ни о роскоши, ни о богатствѣ, и если бы сказали имъ, что иностранные корабли со многочисленнымъ войскомъ пришли къ ихъ острову запа-

спись свѣжею водою, тогда бы они, посмѣявшись немного, указали имъ дорогу, гдѣ запасаются водою. Но въ 1798 году не было уже рыцарей.

Французы 9го Іюня ввечеру пристали къ берегамъ, и на другой день окружили островъ и главную крѣпость ла Валетту. Небольшой гарнизонъ хотѣлъ сдѣлать что-то похожее на вылазку; но лишь только появился, то и потерялъ главное знамя. Что можно было предпринять безъ онаго? Гарнизонъ тотчасъ отступилъ. Одинъ изъ рыцарей объявилъ, что противъ Французовъ не хочетъ сражаться, потому что онъ родомъ изъ Франціи. — Другой сказалъ, что и онъ не долженъ обнажать меча для того, что мать его была Француженка; третій, четвертый — а наконецъ сыскалось и много такихъ, которые, имѣя основательныя причины не сражаться съ Французами, уволили себя отъ жестокости поражать Бонапартовыхъ спутниковъ. — Цѣлой день (10го Іюля) производилась сильная пушечная пальба съ обѣихъ сторонъ, и *ни одинъ человѣкъ не былъ убитъ*. Мальтійцы, увидѣвъ,

что какъ они, такъ и Французы, очаро-ваны, и что порохъ тратится по пу-стому, разсудили за благо отдать островъ Мальту въ собственность Французовъ, которые 12го Іюня и заняли крѣпость Валетту.

Однакожъ Мальтійцы, не теряя че-сти своей, заключили знаменитую капи-туляцію, въ слѣдствіе которой Гроссмей-стеръ (Баронъ Гомпешъ) получилъ 600,000 ливровъ наличными деньгами, ежегодной пенсіи 300,000 ливровъ, и сверхъ того обѣщано было помѣстье. Кажется, онъ и получилъ помѣстье, заключающее въ себѣ *сажень земли*, т. е. неотъемлемую соб-ственность какъ богача, такъ и убогаго. Рыцарямъ обѣщаны были также пенсіи отъ 700 до 1000 ливровъ. Исполнены ли сіи обѣщанія, о томъ они только знаютъ.

Весь островъ Мальта, и что на немъ было, взяли Французы. Военная добыча состояла изъ 2 хъ большихъ военныхъ ко-раблей, изъ 1 го фрегата, 4 хъ галеръ, 1,200 пушекъ, 1,500,000 пудъ пороху (а его разстрѣляли бы даромъ), 40,000 ружьевъ,

и сверхъ того грабители получили величайшія богатства.

Бонапартъ, при взятіи Мальты, не потерялъ своихъ счетовъ; но и Гроссмейстеръ Гомпешъ не остался въ накладѣ. Всѣ его доходы состояли въ 76,000 скудіевъ; а получивъ пенсію, или *надежду лучать* по 300,000 ливровъ, еще болѣе выигралъ. . . . Въ послѣдствіи времени, въ публичныхъ листахъ, подъ статьею *изъ Мальты*, было сказано, что Гроссмейстеръ не подписалъ капитуляціи, и не принялъ предложенной ему пенсіи; но 19 го Іюня отправился въ сопровожденіи Французскаго фрегата въ Трїестъ. — Мы охотно этому вѣримъ; но повѣритъ ли потомство?...

IV.

УМЕНЪ ЛИ БОНАПАРТЪ?

Въ 1798 году Бонапартъ, ступивъ на Египетскую землю, объявилъ, что Франція не съ Оттоманскою Портою, но только съ Египетскими Беями намѣрена вести войну. — Это точь въ точь, если бы онъ, вступя съ войсками въ Австрію, сказалъ: *Французская Республика не имѣетъ ника-*

кого дѣла до Австріи, но желаетъ вести войну съ Комлендантами Австрійскихъ крѣпостей. Беи, какъ Оттоманскіе вассалы, состояли всегда подъ начальствомъ Паши, поставленнаго отъ самой Порты.

Въ томъ же году Бонапартъ, для обольщенія жителей Египта, издалъ проклама-цію, которая начиналась слѣдующими словами: *Именемъ всеблагаго и милосердаго Бога. Только Богъ есть Богъ! У Него нѣтъ Сына, и нѣтъ помощника въ Его Царствѣ.* Египтяне, не имѣющіе никакого понятія о Сынѣ Божіемъ, могли ли что нибудь понять изъ сихъ словъ? — Бонапартъ не удовольствовался сею безтолковщиною для жителей Египта, но увѣрялъ ихъ, что *Французы суть истинные Музульмане.* Сими словами хотѣлъ увѣрить Египтянъ, что онъ и всѣ его солдаты *обрѣзались.* Но была ли имъ до того нужда, или нѣтъ, о-томъ Бонапартъ не подумалъ; онъ спѣшилъ только обольстить, и въ доказательство, что слова его справедливы, чистосердечно признавался, что Французы свергнули Папу и уничтожили всю власть его.

Бонапартъ произнесъ къ депутатамъ департаментовъ Законодательнаго Корпуса: „Я писалъ къ Англійскому Королю. Желаніе, пощадить кровь моего народа, возвело меня выше сужденій, обыкновенно располагающихъ людьми. Я всегда буду готовъ дѣлать подобныя пожертвованія.“ Въ чемъ же состояли сіи пожертвованія? Въ письмѣ, писанномъ Королю Англійскому, а болѣе ни въ чемъ; ибо Бонапартъ во всей рѣчи своей не сказалъ ни о какихъ другихъ пожертвованіяхъ, кромѣ того, что въ заключеніи рѣчи прибавилъ: „Господа депутаты! я полагаюсь на ваше содѣйствіе и на храбрость моихъ войскъ.“ Всякому придетъ въ голову мысль, что Бонапартъ приглашаетъ господъ депутатовъ и войско, похлопотать за него у Короля Англійскаго, однакожъ не силою оружія; поелику онъ *желаетъ щадить кровь своего народа.*

Новая безсмыслица въ словахъ, произнесенныхъ къ депутатамъ Трибуната. Бонапартъ сказалъ имъ: „Настоящему племени нужно счастіе и покой, а побѣда пріобрѣтается токмо кровію народовъ.

Счастїе моего народа есть первый мой долгъ и первое чувство.“ Дѣло состояло въ томъ, что надобны были рекруты. Не лучше ли было сказать просто: *мнѣ надобны лобъды, чтобъ заключить миръ; дайте рекрутъ.* Нѣтъ! нужно было *блеснуть* умомъ.

Онъ обращаетъ рѣчь свою къ солдатамъ Италіянской армїи: „У васъ нѣтъ ни екипажей, ни магазиновъ; нѣтъ артиллерїи, платья, башмаковъ и денегъ; нѣтъ ничего. Есть у васъ ружья и свинецъ; ворвитесь въ Миланъ; тамъ все найдете, даже и прекрасныхъ женщинъ. Все будетъ ваше.“

Въ обольстительной прокламацїи къ Испанцамъ, въ которой уговаривалъ ихъ покориться, обѣщая имъ всѣ земныя блага, сказалъ онъ: „Если стараня мои останутся тщетными, тогда на главу свою возложу корону Испанскую, и заставлю злонамѣренныхъ людей уважать ее; поелику Богъ даровалъ мнѣ *могущество и волю*, нужныя для преодолѣнїя всякихъ препятствїй.“

Къ Испанцамъ же при другомъ случаѣ: „Никакое препятствїе не можетъ долго

задерживать исполненія моей воли.“ Тамъ же: „Никакая Держава, находящаяся подъ вліяніемъ Англіи, не можетъ существовать на твердой землѣ.“

Въ прокламаціи къ Венгерцамъ, обольщая ихъ различнымъ образомъ и совѣтуя отказаться отъ законной власти и избрать Короля, сказалъ: „Войну мнѣ объявилъ Австрійскій Императоръ, а не Король Венгерскій.“

Такіе примѣры Бонапартова ума безчисленны; описывая ихъ, надобно было бы написать цѣлые томы; но для показанія вкратцѣ довольно и вышеприведенныхъ примѣровъ. Со временемъ поговоримъ о томъ пространнѣе.

V.

БОНАПАРТЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Лишь только Оберъ-Генералъ Французской Республики Бонапартъ вступилъ въ Египетъ, какъ Французскіе журналисты, исправно получавшіе деньги отъ возлюбленныхъ его братцовъ, и пользовавшіеся *благосклонностями* достопочтенныхъ его сестрицъ, коихъ приватная жизнь

всяному была извѣстна, сравнивали новаго Египетскаго героя съ Геркулесомъ и Бахусомъ, Сезострисомъ, Даріемъ, Александромъ, Селевкомъ, Тамерланомъ и владѣтелемъ Персидскимъ Тахмасъ-Кулыханомъ. Но сравненія сіи не сходствовали въ сущей бездѣлицѣ — въ дѣйствіи, и въ томъ, что Бонапартъ ни по чему не походилъ на тѣхъ, съ которыми былъ сравниваемъ. Пропустимъ это.

Послѣ 43хъ-дневной поѣздки, Французскій высадный, и по всѣмъ Парижскимъ журналамъ, побѣдоносный флотъ достигъ назначеннаго мѣста. 1го Іюля 1798 года появился онъ предъ Александріею у Египетскихъ береговъ. Первое дѣло, учиненное здѣсь Геркулесомъ-Бонапартомъ, было то, что онъ арміи своей въ прокламаціи предписалъ: поступать съ Магометанами точно такимъ же образомъ, какъ поступали они съ Жидами и Италіянцами: чтобъ они обезоружили всѣ города и деревни, и отобрали всѣхъ лошадей съ сѣдлами и уздами. — Это необходимо нужно было Бонапарту для того, что онъ совсѣмъ не имѣлъ никакой конницы,

и симъ средствомъ думалъ доставить прекрасныхъ лошадей пѣшей своей кавалеріи. Артиллерійскій Генералъ получилъ повелѣніе промышлять верблюдовъ, равномѣрно и баталіонные командиры должны были имѣть по 2 верблюда въ каждомъ баталіонѣ для своего багажа.

Распорядивъ такимъ образомъ, которому всѣ Французскіе Генералы удивлялись, Бонапартъ выдалъ къ жителямъ мудрую прокламацію, въ которой предлагалъ имъ вольность по примѣру Французской Республики. Однакожъ грубые и непросвѣщенные Египтяне по невѣжеству своему не послѣдовали примѣру Италіянцовъ, и чрезъ то на первомъ шагу отняли у Французовъ надежнѣйшій способъ, по которому они большею частію выигрывали свои побѣды и съ успѣхомъ поработили всю Италію. Африканцы рѣшились сопротивляться. Бонапартъ, привыкшій побѣждать золотомъ и прокламаціями, пришелъ въ превеликой гнѣвъ, увидѣвъ себя въ необходимости дѣйствовать оружіемъ. Въ ночи на 2е Іюля присталъ онъ съ 6000 человѣкъ отборной пѣхоты къ башнѣ Ма-

рабуской въ разстоянїи 2хъ часовъ къ западу отъ Александрїи. Бонапартъ, не дождавшись артиллерїи, выгружавшейся съ галеры, тотчасъ велѣлъ штурмовать городъ. Сїя новая тактика въ военномъ искуствѣ принадлежала собственному его изобрѣтенїю, за которую однакожъ потерялъ онъ нѣсколько сотъ солдатъ, и оба предводителя дивизїй, бывшихъ при штурмѣ, Клеберъ и Мену, съ третьимъ Генераломъ Лескатомъ были ранены. Послѣ упорной сшибки, продолжавшейся болѣе трехъ часовъ, Бонапартъ имѣлъ удовольствїе овладѣть Александрїею и обѣими ея крѣпостцами.

Побѣдитель тотчасъ приказалъ обезоружить всѣхъ жителей, что и было исполнено вооруженною превосходною силою. Правительство осталось то же; однакожъ Шерифъ Александрїйской долженъ былъ повязать на себя трехцвѣтной Французской шарфъ, явиться въ семъ нарядѣ къ Бонапарту и выслушать довольно длинную и утомительно-скучную Французскую проповѣдь, или яснѣе сказать, повторенїе тѣхъ рѣчей, коими потчиваны были жи-

тели Генуи и Милана. Шерифъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, и почти при каждомъ словѣ низко кланялся. 4 го Іюля кончилась высадка послѣднихъ Французскихъ войскъ, съ находившеюся на флотѣ артиллеріею. Шерифъ бѣгалъ вездѣ въ званіи хозяина, и обязанъ былъ угощать своихъ гостей наилучшимъ образомъ.

Бонапартъ хотя и объявилъ Египтянамъ, что онъ и вся его армія суть истинные Музульмане; но это не помогло. Всеобщее негодованіе народа побудило Бонапарта испытать — любимое его средство, коимъ онъ часто съ успѣхомъ пользовался, а именно: *мирные переговоры*. Нѣкоторые старѣйшины Арабскихъ поколѣній или Бедуиновъ, обольстясь его предложеніями, вступили-было сначала въ переговоры; но увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ обманщикомъ, которой одною рукою привѣтствуетъ, а другою грабитъ, прекѣкли всякое съ нимъ сношеніе, и увѣдомили обо всемъ прочихъ жителей. Храбрые Арабы чинили набѣги до самой Александріи, утомляли Французовъ безпрестанными апаками, и опрѣзали имъ всякой

подвозъ свѣстныхъ припасовъ и свѣжей воды. Бонапартъ сердился, злился на своихъ Генераловъ, бранилъ Адъютантовъ, привозившихъ ему непрїятныя извѣстїя; а бѣдной Шерифъ Александрїйской походилъ болѣе на презрѣннаго невольника, нежели на Градоначальника, и не прежде пришелъ въ себя, какъ увидѣлъ Бонапарта выѣхавшаго изъ Александрїи. Это произошло 5 го Іюля; онъ отправился со всею армїею къ Розеттъ, оставивъ 6,000 гарнизона со всѣми тяжелыми орудїями, для поддержанїя славы своей въ Александрїи.

Розетта, не имѣя силъ защищаться, покорилась. Бонапартъ, любитель трїумфовъ, велѣлъ выдти на встрѣчу къ себѣ депутатамъ съ трехцвѣтнымъ знаменъ (которое на скорую руку было сметано изъ платковъ, и вместо кистей развѣвался лошадиной хвостъ), и проговорить рѣчь. По окончанїи сей забавной комедїи, единственной въ своемъ родѣ, полководецъ, раздѣливъ армїю на двѣ колонны, велѣлъ одной плыть по рѣкѣ Нилу на судахъ подъ командою Генерала Дантома, а съ другою

пошелъ самъ вдоль береговъ сей рѣки къ Каиру.

По дорогѣ, ведущей къ Египетской столицѣ, Бонапартъ терялъ много людей. Беи тревожили его непрестанно и останавливали походъ ежедневными жаркими сшибками. Наконецъ въ разстоянїи 10-ти миль отъ Каира Арабы и Мамелюки встрѣтили Французовъ съ такою храбростїю, что разстроили ихъ колонны. Бонапартъ потерялъ множество убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Успѣшное дѣйствїе артиллерїи доставило Французамъ кровопролитную побѣду, которая однакожь была безъ рѣшительныхъ слѣдствїй. Двѣ другїя упорныя сшибки доказали искуство и храбрость Клебера, доставили Французамъ верхъ и открыли имъ путь къ Каиру. Бонапартъ думалъ, что онъ все уже сдѣлалъ для завладѣнїя Каиромъ; но вдругъ, обманувшись въ своемъ разчетѣ, встрѣтилъ 10,000 Мамелюковъ, шедшихъ на него съ величайшею отважностїю. Началось сраженїе. Мамелюки особымъ своимъ маневромъ ударили на Французовъ, произвели сильное пораженіе, и опять разсѣялись. Два

или три такихъ нападенїй при дѣйствованїи хорошей артиллерїи — и Мамелюки могли бы разбить Французовъ; но они поспѣшно удалились, не имѣвъ при себѣ ни одного орудїя.

Парижскїя извѣстїя гласили въ пользу Бонапарта, и завоеванїе Каира приписывали собственно его особѣ. *Это* несправедливо: Бонапартъ не могъ бы ничего сдѣлать, еслибъ Генералы Бонъ и Вїаль, предводительствовавшїе эскадрою, штурмомъ не овладѣли находящеюся при городѣ крѣпостцею. Важная услуга ихъ при семъ случаѣ была описана слегка, и чаятельно отъ того, что у нихъ не было въ Парижѣ ни богатыхъ братцовъ, ни друзей, подобныхъ Баррасу и Сїею. Во Французской службѣ это было необходимо нужно для тѣхъ, которые изъ артиллерїйскихъ Подпоручиковъ хотятъ въ нѣсколько мѣсяцевъ достигнуть до степени бригаднаго Шефа.

Жители Каирскїе, увидѣвъ себя принужденными покориться чужой вооруженной власти, выслали депутатовъ съ городскими ключами, которые Бонапартъ

съ обыкновенною церемоніею принялъ, а 23го Іюля вступилъ въ городъ съ войсками своими.

Если бы тогда учрежденъ былъ какой нибудь орденъ Бонапартовой выдумки, то сколько бы нажаловано было кавалеровъ! Но какъ такого постановленія еще не было, то Бонапартъ утѣшалъ себя раздачею однихъ только трехцвѣтныхъ шарфовъ. Мысль, увидѣть себя въ Каирѣ, произвела въ немъ неизъяснимое удовольствіе, которое обнаруживалъ онъ частымъ повтореніемъ своимъ Генераламъ: *вотъ мы и въ Каирѣ. Клеберъ* молчалъ, потому что далѣе его видѣлъ. *Мену* принималъ участіе въ радости, потому что одинаково съ Бонапартомъ мыслилъ. *Дюрокъ* и многіе другіе, не понимая ничего, отыскивали только женщинъ для себя и для своего Султана.

Скоро Бонапартово удовольствіе прошло и превратилось въ нѣкоторой родъ раздумья, когда увидѣлъ онъ себя съ малымъ войскомъ въ такомъ городѣ, котораго пространную окружность со многими садами, пустырями и развалинами пола-

гаютъ болѣе, нежели на 5 часовъ пути, и въ которомъ считалось до 500,000 жителей. Въ Каиръ могутъ обитать одни токмо природные жители; но и тѣ подвержены частымъ глазнымъ болѣзнямъ. Первую изъ всѣхъ потребностей въ тользнойномъ климатѣ, воду, получаютъ жители только изъ Нила. Бонапартъ вступилъ въ Каиръ въ самую эпоху разлитія и величайшаго наводненія сей рѣки. Дальновидный Клеберъ часто спрашивалъ у Бонапарта: *каковъ ему кажется Нилъ въ своемъ разлитіи?*

Подражатель Александра Македонскаго и Сезостриса, отправленный Карномъ путешествовать по Египту, сражавшись съ Арабами и Мамелюками, съ нестерпимымъ жаромъ и голодомъ, готовъ уже былъ проклинать Лейбница, Карно и Директорію; но мысль, что онъ завоюетъ Индію, возобладаетъ сокровищами и получитъ безсмертіе, заставляла его преодолѣвать всякія препятствія. Стоило только напомянуть ему о славѣ, его ожидающей: онъ готовъ былъ бы потребовать отъ Директоріи милліонъ людей и идти

съ ними на край свѣта. Но ему оставалось еще пройти и проѣхать 3,300 Англiйскихъ миль, дабы достигнуть своей цѣли, т. е. Бомбая.

Удалая голова, Бонапартъ, пошелъ впередъ, и тѣмъ положенiе его со дня на день становилось хуже и опаснѣе. Арабы и Мамелюки легкими отрядами щипали его со всѣхъ сторонъ; отступившiе Беи, избѣгая главнаго сраженiя, истребляли Французскихъ солдатъ малыми сшибками; къ этому еще присоединились голодъ и заразительныя болѣзни, и довершили гибель Французовъ. Мену съ досады обрѣзался, а Бонапартъ отъ злости поклялся погубить Клебера и другихъ достойныхъ Офицеровъ.

Жалко и смѣшно было смотрѣть на Бонапарта въ ту минуту, когда донесли ему объ истребленiи Французскаго флота побѣдоноснымъ Нельсономъ. Онъ не походилъ тогда на предводителя армiи, но на бѣснующагося несчастливца, готоваго кусать и бить всякаго, съ нимъ встрѣчавшагося человѣка. Курьеръ, привезшiй о томъ извѣстiе, дорого заплатилъ за

скорое исполненїе порученнаго ему дѣла. Никто не смѣлъ подступить къ Бонапарту, даже Мюратъ и Дюрокъ далеко убѣжали за генеральскую палатку, и не прежде вечера, по прошествїи нѣсколькихъ часовъ, возвратились къ своей должности.

Бонапартъ, съ жалкою своею армїею отдѣленный отъ всей Европы, находился въ Каирѣ, какъ въ клѣткѣ. Онъ не могъ выступить ни впередъ, ни назадъ; разбѣжавшїе въ великомъ числѣ корпусы Арабовъ отрѣзали ему всякой подвозъ и сообщенїе съ Александрїею и Розеттою. Тогда гордый, предпрїимчивый, прозорливый и счастливый Генералъ весьма тщательно старался заключить капитуляцїю, и предлагалъ Беямъ величайшїя обѣщанїя и увѣренїя, если они не возпрепятствуютъ продолженїю его экспедицїи. Но Беи смѣялись симъ требованїямъ, и не иначе соглашались дать пощаду, какъ увѣрившись, что Бонапартъ и его войска отдадутся плѣнными. Клеберъ возсталъ противъ этого; многїе Генералы и Офицеры держали его сторону; но тѣ, которые не имѣли отъ природы ни твердаго духа, ни воинскихъ

талантовъ, колебались и хотѣли поправить тягостное свое состоянїе посредствомъ денегъ, дабы подобрать себѣ партїю между народомъ. Обманулись и въ семъ чаянїи: народъ оказывалъ жесточайшую ярость противъ Французовъ.

Бонапартъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ, и если бы ополченїя Египта, Палестины, Сирїи и всѣхъ Азїатскихъ провинцїй имѣли одного искуснаго предводителя, тогда Египетъ содѣлался бы *Бонапартовымъ гробомъ*. Нѣкоторые Французскїе Генералы рѣшимостїю своею поправили ошибки предводителя, и дѣлали ему весьма спасительныя представленїя; но онъ, по упрямству, а болѣе по непомѣрной гордости, не захотѣлъ ихъ слушать, повелъ армїю на совершенную погибель, отъ чего произошелъ въ солдатахъ ропотъ, а наконецъ открылось и возмущенїе. Бонапартъ употреблялъ строгость, разстрѣливанїе предъ фронтомъ, а потомъ принялъ обольстительныя мѣры: обнадеживалъ армїю, что употребитъ всѣ средства къ возвращенїю въ Европу, и посреди сихъ обнадеживанїй вдругъ — какуюбъ, думали

вы, сдѣлалъ онъ штуку? — Оставилъ армїю на произволъ судьбы, а самъ съ нѣкоторыми приближенными убѣжалъ во Францїю.

VI.

КЮРЕ и КАРНО.

„Кюре хорошїй человѣкъ“, — говорили въ Парижѣ — „а Карно человѣкъ совершенный.“ Времена перемѣнились, и Кюре сдѣлался человѣкомъ совершеннымъ, а Карно — ничѣмъ. Кюре 30го Апрѣля 1804 года бывши въ Трибунатѣ, доказывалъ необходимость провозгласить перваго Консула Бонапарта Императоромъ. „Я предлагаю“ — кричалъ онъ во все горло — „предлагаю мое мнѣнїе, чтобъ наслѣдственность Наполеонова достоинства утверждена была въ его фамилїи, и чтобъ всѣ тѣ распоряженїя, кои понынѣ только начертаны, приведены были къ окончательному рѣшенїю.“

Нѣкоторые ораторы подкрѣпляли Кюре, и увѣряли *честїю*, что вся нацїя того желаетъ. Всѣ молчали и кусали губы; одинъ только Карно всталъ съ своего мѣ-

ста и сказалъ: „Адресы, въ которыхъ требуется наслѣдственное Императорство, происходятъ единственно отъ чиновныхъ особъ, а не по желанію народа, и сіи самые адресы написаны подъ вліяніемъ правительства. Общее мнѣніе угнѣтается страхомъ. Я не подпишу моего имени.“

Карно столько былъ честенъ и справедливъ, что сдержалъ свое слово. Парижъ удивился его смѣлости, и назвалъ его *безпокойнымъ гражданиномъ!* Въ послѣдствіи отдали ему должную справедливость. Потомство не забудетъ Карно.

VII.

КТО ИЗБРАЛЪ БОНАПАРТА НА ВСЮ ЖИЗНЬ ОСТАТЬСЯ КОНСУЛОМЪ?

Бонапартъ избралъ самъ себя. Онъ приказалъ Сенату сдѣлать опредѣленіе, которое гласило, что всѣ тѣ, кои не подадутъ голоса: *долженъ ли Наполеонъ Бонапарте на всю жизнь остаться Консуломъ?* будутъ считаться избирательными голосами. — Самонадежнѣйшее средство достигнуть до своего желанія!... Граждане города Парижа первые, какъ и надлежало, подали голоса

на избраніе въ пользу Консула. Число таковыхъ голосовъ простиралось до 60,000, а населеніе города Парижа до 700,000 человѣкъ. Но въ такой подробности не имѣли нужды; ибо умалчиваемые голоса, *въ силу закона*, считались за избирательные. Генералъ Ланнъ донесъ первому Консулу, что большая часть солдатъ не соглашаются утвердить его на пожизненное Консульство. Бонапартъ отвѣчалъ: „Прочтите, Генералъ, конституцію, въ которой сказано, что *нѣкоторые* солдаты не могутъ подавать голосовъ.“ И такъ подъ словомъ *нѣкоторые* Генералъ Ланнъ могъ заключить 100 тысячъ солдатъ, не имѣющихъ права подавать голосовъ своихъ.

VIII.

ЕДИНОДУШНОЕ ИЗБРАНІЕ БОНАПАРТА ВЪ ИМПЕРАТОРЫ.

Парижской Сенатъ разсудилъ за благо собрать голоса: *утверждается ли наслѣдство Императорскаго достоинства въ Бонапартовой фамиліи?* На сей конецъ посланы были бѣлыя шнуровыя книги ко всѣмъ Префектамъ Франціи, въ которыхъ каж-

дой Французъ долженъ былъ написать свое мнѣнїе и подъ онымъ свое имя. Способъ остроумной, а между тѣмъ и небезнадежной. Точно таковымъ же способомъ собирались голоса *на смерть* добродѣтельнаго Лудовика XVI.

IX.

ТАЙЧОЙ ПЛАНЪ ПАРИЖСКОЙ ДИРЕКТОРІИ.

Баррасъ, Дюко, Сїей, Гогье и Мулень, восхищаясь успѣхами Бонапарта въ Италїи, начертали смѣлый планъ, поручивъ исполненїе онаго счастливому полководцу.

По сему плану должно было послѣдовать совершенное испроверженїе Нѣмецкаго Имперскаго постановленїя, и конечное уничтоженїе могущества Дома Австрїйскаго; потомъ въ слѣдъ за отнятїемъ Императорскаго достоинства, предполагаемо было отторгнуть всѣ владѣнїя въ Италїи, часть Тироля до Тридента и Брейсгау и переднюю Австрїю; за симъ, изъ развалинъ Нѣмецкой Имперїи дать Князьямъ ея на первой случай замѣны за взятыя по ту сторону Рейна

земли; владѣнія же духовныхъ Князей въ Германіи располагать по соглашенію.

Сей планъ понравился *Бонапарту*; но не былъ совершенно ободренъ Генераломъ *Моро* и отличнымъ воинскимъ умомъ *Карно*. — „По сему плану — сказалъ Моро — можно произвести въ дѣйство нѣкоторыя намѣренія; но не льзя ручаться за прочность онаго.“ — Эпсипъ планъ — примолвилъ Карно — приличенъ Баррасу и Сіею, но никогда Бонапарту и Моро. Отошлите его назадъ; я беру на себя отвезть оной въ архивъ къ солдатамъ.

X.

ФРЕРОНЪ И ИСНАРДЪ.

Въ числѣ Бонапартовой шайки были Коммисаръ *Фреронъ* и гражданинъ *Иснардъ*, которымъ ввѣрилъ онъ нѣкоторыя свои тайны и употреблялъ ихъ въ разныхъ случаяхъ для выполненія хитрыхъ намѣреній и коварныхъ затѣй своихъ. Фреронъ отправленъ былъ Коммисаромъ исполнительной власти въ Южныя Провинціи Франціи; а Иснардъ сдѣланъ былъ тамъ же народнымъ представителемъ. Бона-

партъ снабдилъ ихъ надлежащими инструкціями; но по какому-то случаю Фреронъ имѣлъ отъ него болѣе довѣрія, нежели представитель. Коммисаръ, въ точности выполняя повелѣнія своего Шефа, не забывалъ также набивать потуже свои карманы, и отнималъ способы у Иснарда грабить области, предоставленныя имъ на жертву. Интересъ произвелъ ссору и понудилъ представителя отправиться въ Парижъ. Онъ явился прямо въ Пятисотной Совѣтъ, и жарко говорилъ противъ наглостей, притѣсненій и скрытныхъ замысловъ Фрерона. Иснардъ разгорячился до того, что хотѣлъ объявить, съ какими приказаніями и отъ кого былъ отправленъ; но едва могъ отъ того удержаться; однакожъ противъ воли своей сказалъ: *Я надѣюсь на справедливость, и ежели принудятъ меня, то разторгну завѣсу и все открою.* Многіе изъ Членовъ Совѣта поблѣднѣли и велѣли Иснарду оставить залу; называя его возмутителемъ спокойствія.

Спустя нѣсколько дней, Пятисотной Совѣтъ обвинилъ Иснарда, назвалъ его

Террористомъ, врагомъ Республики, и неосторожный представитель получилъ жестокое мщеніе за такое необдуманное выраженіе.

Фреронъ отправленъ былъ отъ Бонапарта съ порученіемъ изтребить усилившихся Роялистовъ, а Иснардъ былъ его шпіономъ.

Когда сильный, но впрочемъ недальновидный, Директоръ Баррасъ принялъ намѣреніе поручить Италіянскую армію Бонапарту; и объявилъ о томъ военному Министру дю Баэту; то сей, изъявивъ свое удивленіе, представлялъ ему свои опасенія, ссылаясь на крутой и горячій нравъ назначаемаго Полководца. „*Отъ этого*, — говорилъ ему дю Баэтъ — *добра не будетъ. Не уже-ли вы думаете, что молодой Бонапартъ достойнѣе опытнаго Пишегрю?* Хотя онъ и дѣлалъ нѣкоторыя ошибки, однакожъ къ чести его надобно сказать, что онъ имѣетъ постоянной характеръ.“ Баррасъ съ притворствомъ отвѣчалъ ему, что Генералъ Пишегрю не однократно объявлялъ, что не *можетъ* и не хочетъ командовать армією. „Соглашаюсь съ ва-

ми“ — возразилъ дю Баэтъ: — „но Пишегрю обѣявилъ причины, заставляющія его такимъ образомъ изъясняться. Имѣю отъ него бумаги, въ которыхъ онъ говоритъ, что если армія не будетъ снабдѣна всѣми потребностями, то онъ не можетъ долѣе командовать войсками.“ Вскорѣ послѣ сего разговора, Генералъ Пишегрю получилъ отставку, съ назначеніемъ Посланникомъ въ Стокгольмъ, а Военный Министръ дю Баэтъ отправленъ Посланникомъ въ Константинополь.

XI.

БОНАПАРТЪ И САЛИЧЕТТИ СТОЮТЪ ДРУГЪ ДРУГА.

Директоръ Баррасъ, ослѣпленный великими обѣщаніями Бонапарта, доставилъ ему, или приличнѣе сказать, опредѣлилъ его главнокомандующимъ надъ арміею въ Италіи, назначилъ ему въ товарищи, т. е, въ Коммисары, Саличетти, самаго безчестнѣйшаго человѣка, подавшаго голосъ на убіеніе добродѣтельнаго Короля Людовика XVI. Сіи два Корсиканца, почти одинаковыхъ свойствъ, условились между собою не щадить никого, чтобы только

обогатиться. Для честолюбія Бонапарта нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Саличетти; а для сего сребролюбца былъ необходимъ такой главнокомандующій, какъ Бонапартъ, *охотно* жертвующій милліонами для снисканія славы. Освободившись отъ тягостнаго повиновенія враждовавшей между собою Директоріи, втайнѣ начертали они планъ, по которому должны были поступать совокупно и раздѣльно. Тогда къ первому политическому девизу Бонапарта: *раздѣли и повелѣвай*, присоединился другой: *обѣщай все и не выполняй ничего.* Выдумка сего правила принадлежала Саличетти.

Первая хитрость Бонапарта, по пріѣздѣ въ Италіянскую армію, состояла въ томъ, чтобы поссорить престарѣлаго Австрійскаго Генерала *Больe* съ главнокомандующимъ Піемонтскою арміею Генераломъ Колли. Это удалось ему произвести посредствомъ помѣщенія двухъ человѣкъ въ Генералъ-Штабъ обѣихъ непріятельскихъ арміи. Вторая хитрость состояла въ бездѣльническомъ умыслѣ произвести въ Генуѣ мятежъ и сдать сей городъ Француз-

скимъ войскамъ. На сей конецъ Бонапартъ отправилъ въ Геную Коммисара Саличетти, которому поручено было произвести въ дѣйство заговоръ, приготовленный Бонапартомъ посредствомъ Французовъ, находившихся въ Генуѣ и отправлявшихъ званіе учителей, торгашей, фокусниковъ и проч. Намѣреніе клонилось къ тому, чтобы сдать городъ измѣною, въ праздничной день, назначенный послѣ Пасхи, когда главная духовная процессія начнетъ свое шествіе. Но одинъ изъ участниковъ сего заговора, имѣвшій въ себѣ еще остатокъ совѣсти, открылъ тайну и показалъ зачинщиковъ измѣны. Правительство тотчасъ забрало подъ стражу показанныхъ виновниковъ, и спокойствіе было возстановлено.

Саличетти, получивъ о томъ извѣстіе, былъ внѣ себя отъ досады. Онъ явно объявилъ Правителямъ Генуи, что до тѣхъ поръ не оставитъ города и требованій своихъ въ пользу Французской Республики, пока не получитъ убѣдительныхъ доказательствъ, могущихъ склонить его къ молчанію. Правительство, увидѣвъ

безстыдство сего человѣка, подарило ему нѣсколько тысячь луидоровъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ онъ тотчасъ оставилъ городъ. Саличчетти, получивъ деньги, исполнилъ ихъ желаніе, пріѣхалъ въ армію, раздѣлилъ добычу свою съ Бонапартомъ, и присовѣтовалъ ему отрядить корпусъ въ Волтри, отстоявшій за 3 часа пути отъ Генуи. *Симъ средствомъ* — говорилъ онъ — *Генуезское Правительство выдастъ намъ 5 милліоновъ въ займы, и мы найдемъ способъ не заплатить сей суммы.* Саличчетти сказалъ это въ присутствіи многихъ Французскихъ Генераловъ.

Неудача въ Генуѣ замѣнила совершенными успѣхами пронырства и обманы, произведенныя въ Піемонтѣ. Бонапартъ мѣтался съ награбленными червонцами и луидорами всюду, гдѣ только могъ найти людей, прельщавшихся золотомъ и измѣнявшихъ Государю своему и отечеству. Ему хотѣлось подкупить несговорчиваго Піемонтскаго Генерала Колли; но какъ получилъ отъ него презрительной отказъ, то послалъ нѣкоторыхъ преданныхъ ему Генуезцовъ къ Коммендантu крѣпости Хе-

раско и къ городовымъ начальствамъ въ Асти, Цивассо, Аки и Мондови. Тутъ нашелъ онъ людей по его свойству, равномѣрно какъ и при Дворѣ Туринскомъ. Лишь только Французскія войска показались у Хераско, то стоявшій тамъ Пїемонтскій корпусъ, сдѣлавъ 5 или 6 пушечныхъ выстрѣловъ, отступилъ къ Карманьйолю. Когда Французы подходили къ Мондови, то одинъ Священникъ, увѣщававшій народъ къ вооруженію противъ приближавшихся ордъ Французскихъ, былъ застрѣленъ, и сильныя толпы вооруженныхъ крестьянъ стерегли магазины, чтобы сдать ихъ Французамъ. Въ Миланѣ все было приготовлено по начертанію Бонапарта. Въ, этомъ случаѣ способствовали ему измѣнники законнаго Государя, сдѣлавшіеся Французскими Генералами: Массена, Червони и Кодибона, состоявшіе прежде въ службѣ Короля Сардинскаго унтеръ-офицерами, и убѣжавшіе по взятіи Французами Ниццы. Болѣе же всѣхъ способствовалъ ему уговорить Миланцевъ къ дружелюбному принятію Французовъ, нѣкто безчестный *Галеацо Сербелони*, да-

вно обѣявившій себя врагомъ Австрійскаго Дома. Онъ исправно получалъ отъ Сали-четти деньги, но неисправно выдавалъ ихъ тѣмъ, которые служили ему для выполненія Бонапартевыхъ плановъ. Однакожъ народъ, ослѣпленный лестными обѣщаніями, по простотѣ своей, вѣрилъ краснорѣчивымъ обольстителямъ, и чрезъ то дошелъ до разоренія и нищеты.

Бонапартъ, дѣйствуя такимъ образомъ въ Піемонтѣ и Ломбардіи, нашелъ приверженныхъ себѣ даже въ Священной Римской Коллегіи между Кардиналами и начальниками войскъ Папскихъ. Ему было извѣстно, что съ нѣкотораго времени въ самомъ Римѣ и во всей Церковной Области ходили въ оборотъ бумажныя деньги, которыя въ глазахъ Бонапарта не имѣли никакой прелести, и не производили, по политическимъ его видамъ, никакой существенной выгоды. Тогда находился въ Римѣ Французскимъ Посланникомъ родной братъ Наполеона Бонапарта, которой при Дворѣ Папскомъ успѣвалъ болѣе деньгами, нежели природнымъ умомъ своимъ. Разбрасывая полными горстями червонцы;

былъ онъ увѣренъ, что отдаетъ ихъ въ займы, и что дальновидный его братъ скоро получитъ ихъ съ величайшими процентами.

Папа, по совѣту нѣкоторыхъ Кардиналовъ, собралъ Совѣтъ, на которомъ, по большинству голосовъ, положено было, чтобы всѣ богачи и самъ Папа все нужное серебро отдали на монетной дворъ; *дабы срезъ то множество бумажныхъ денегъ вывесть изъ оборота.*

Когда Бонапартъ получилъ извѣстіе отъ Римскихъ своихъ агентовъ, что дивизія Генерала Анжеро, состоявшая изъ 4000 человѣкъ, получила повелѣніе отправиться въ походъ. Она вступила въ Болонію, гдѣ Папскіе солдаты имѣли честь отдаться въ плѣнъ при первомъ предложеніи Французскаго Генерала. Самъ же Бонапартъ безъ всякаго препятствія вошелъ въ крѣпкой замокъ Урбино. Погостивъ тамъ нѣсколько дней, пошелъ къ Феррарѣ! Сей большой и крѣпкой городъ охотно отворилъ ворота и предалъ на произволъ Бонапарта себя и свой гарнизонъ со 140 пушками. Слѣдствіемъ сихъ знаменитыхъ

побѣдъ, одержанныхъ денежною силою, было то, что Папа выдалъ Французской Республикѣ сто картинъ, бюстовъ, вазовъ и статуй; сверхъ того заплатилъ 21 милїонъ ливровъ звонкою монетою, изъ коихъ 15 милїоновъ 500 тысячъ ливровъ полоснымъ золотомъ и серебромъ; на 10 милїоновъ 500 т. ливр. сѣстныхъ припасовъ, купеческихъ товаровъ, лошадей и быковъ; а на послѣдніе 5 мил. лив. бриліянтовъ и другихъ драгоцѣнностей.

Въ послѣдствіи времени, прусливая Парижская Директорія имѣла подлость всѣ сіи бриліянты поднести Бонапарту.

XII.

БОНАПАРТЪ И ПРОВЕРА.

Австрійскій корпусъ, состоявшій изъ 1500 человѣкъ, стоялъ у Миллизимо. Бонапартъ со всею своею силою напалъ на сей корпусъ, окружилъ его и щиталъ уже плѣннымъ; но храбрый и неустрашимый Провера пробился съ невѣроятною отважностїю, и окопался въ развалинахъ стараго замка Коссерїи. Бонапартъ опять окружилъ его, и требовалъ сдачи въ са-

мыхъ грозныхъ выраженіяхъ. Провера отвѣчалъ: *моя рѣшимость есть, сражаться до послѣдней крайности.* Бонапартъ взбѣсился, велѣлъ палить изъ пушекъ и гаубицъ, выслалъ 4 колонны противъ 1500 Австрійцевъ; однакожъ всѣ колонны со всѣхъ сторонъ были отбиты. Одинъ Французской Генералъ былъ убитъ, другой раненъ. Тутъ Бонапартовъ воинскій геній рехнулся ума. Сдѣлано было новое нападеніе; но тщетно. Французская армія, которая отчасти была уже въ окопахъ, оттуда выгнана, и противъ сей горсти людей потеряла много солдатъ. Ночь наступила, Провера остался побѣдителемъ; а Бонапартъ, сей славный Генералъ, могъ только блокировать незнаменитаго Проверу. На другой день, именно 14го Апрѣля 1796 г., Провера, увидѣвъ, что напрасно ждетъ освобожденія и помощи, предложилъ капитуляцію, и тотчасъ получилъ ее. Офицеры и солдаты получили вольность отправиться, куда угодно, до размѣна.

Бонапартъ написалъ въ своемъ донесеніи къ Директоріи: „Мнѣ скучно было,

что мой маршъ въ Дего задержанъ былъ горстью людей; я далъ повелѣніе четыремъ колоннамъ *забрать ихъ*."

Это былъ первой подвигъ Бонапартовой храбрости и справедливости!!

XIII.

БОНАПАРТЪ ВОЛШЕБНИКЪ.

По достовѣрному Французскому объявленію (впрочемъ всякой можетъ вѣрить, или нѣтъ), Генералъ Бонапартъ 3 Августа 1796 года напалъ на Австрійцевъ при Сало и Лонадо, и одержалъ совершенную побѣду. — Но сколько было Французовъ и Австрійцевъ, о томъ просимъ самимъ догадываться. Объ этомъ, думаю, не всѣ будутъ и разспрашивать; но можетъ быть захотятъ полюбопытствовать, каким ъ образомъ происходило сіе дѣло?

Вотъ Французское о томъ извѣстіе:

„3го Августа 4000 Австрійцевъ съ страшною кавалеріею и артиллеріею при Лонадо предложили Генералъ-Аншефу Бонапарту сдаться: у него было 1200 человѣкъ, — ни болѣе, ни менѣе. При семъ-то случаѣ показалъ онъ удивительное при-

сутствіе духа и глубокую проницательность, которыя видятъ опасность, и поспѣшно вычисляютъ средства удалить и удачно обратить слѣдствія оной въ свою пользу.“

„Непріятельской переговорщикъ приведенъ былъ съ завязанными глазами. Сей Офицеръ объявилъ, что обойдено лѣвое крыло Французской арміи, и Генералъ прислалъ его спросить, хотятъ ли Французы сдаться. Генералъ Бонапартъ ему отвѣчалъ: „Скажите вашему Генералу, что если онъ вздумалъ шутить надъ Французами, то *я здѣсь*; что онъ самъ съ корпусомъ своимъ въ плѣну; что одна его колонна отрѣзана нашими войсками при Сало и переходъ чрезъ рѣку Бресцію въ Трїентъ; что если въ *восемь минутъ* (?) онъ не положитъ оружія, и сдѣлаетъ хотя одинъ выстрѣлъ, то я всѣхъ разстрѣляю. Развяжите ему глаза. Посмотрите на Генерала Бонапарта (*) и на его Штабъ-

(*) Надобно думать, что Офицеръ ужаснулся, увидѣвъ предъ собою такого великана, которой былъ ростомъ 5 ти футовъ и 2 хъ дюймовъ!

Офицеровъ, среди храброй республиканской армiи; скажите вашему Генералу, сколь велика его добыча. Ступайте.“

„Австрiйскiй Генералъ требовалъ снова переговоровъ. Между тѣмъ все приготовлено было къ атакѣ. Начальникъ непрiятельской колонны (всѣ полагали, что Генералъ, командовавшiй 4000 съ страшной кавалерiею и артиллерiею) проситъ выслушать его.“ — *Нѣтъ!* — отвѣчалъ Генералъ Бонапартъ: *вы всѣ въ плѣну.* — Непрiятель хотѣлъ посовѣтоваться. Бонапартъ тотчасъ далъ повелѣнiе выставить *легкую артиллерiю* и атаковать. Онъ оставилъ непрiятельскаго Генерала, которой бѣжалъ за нимъ въ слѣдъ, и кричалъ: *мы всѣ плѣнные.*

„Такимъ образомъ непрiятель положилъ оружiе предъ Генераломъ Бонапартомъ, которой только *постращалъ*.“

Бонапартъ *волшебникъ*! Но почемужъ онъ не попробовалъ постращать Генерала Провера въ Коссорiи, у котораго было только 1500 Австрiйцевъ? Но тогда менѣе было бы славы для Генералъ-Анше-

фа; а притомъ это плата Австрійцамъ за Коссарію — разумѣется!

XIV.

БОНАПАРТЪ ВЪ ПАВІИ, 1796 года.

Звѣрскіе поступки Французовъ съ жителями Ломбардіи вывели ихъ изъ терпѣнія. Павія подняла оружіе и рѣшилась силою защищаться отъ притѣсненія. Бонапартъ пришелъ съ корпусомъ войскъ, и объявилъ жителямъ, что если они не покорятся, то будетъ штурмовать городъ. Храбрые граждане отвѣчали, что будутъ обороняться. Бонапартъ со всею люотостію раздраженнаго отмстителя сдѣлалъ нападеніе, и послѣ ужаснаго кровопролитія ворвался въ городъ. Тутъ изъ домовъ и съ кровель засыпаны были Французы градомъ пуль, каменьевъ и кирпичей. Возмутившихся, по донесенію самаго Бонапарта, должно было прогонять отъ поста до поста, отъ дома до дому. Наконецъ, послѣ великой потери, Бонапартъ взялъ городъ. Множество жителей брошено въ тюрьмы; многіе разстрѣляны, весь

городъ до чиста разграбленъ и нѣсколько десятковъ домовъ сожжено.

Такъ заплатилъ Бонапартъ тому городу, въ которомъ за 6 лѣтъ предъ симъ учился Медицинѣ, и за Якобинскія правила свои былъ выгнанъ изъ Университета!

XV.

ИНТРИГИ БОНАПАРТА И КАРНО.

Публика приписывала иногда Бонапарту такія дѣла, которыхъ онъ не только не производилъ, но даже и не участвовалъ въ оныхъ; напротивъ того, отнимала у него то, что дѣйствительно принадлежало изобрѣтательному уму его. На примѣръ, глубоко обдуманный планъ, касавшійся до высадки войскъ на берега Англіи, былъ собственно его выдумки. Можетъ быть, не всякому извѣстны причины, побудившія Бонапарта предпринимать такія рѣшительныя и жестокія мѣры противъ Англіи; а потому предлагается здѣсь *настоящій и дѣйствительный* предлогъ, объявленный самимъ Французскимъ правительствомъ.

Парижская Директорія, исполненная нѣжныхъ чувствъ и состраданія къ со-

братїямъ своимъ Французамъ (что и доказано убїйствомъ, произведеннымъ Директорами 4 го Сентября 1797 года), отправляла посланїе въ Пятисотный Совѣтъ съ извѣстїемъ, что Англїйское правительство хочетъ переморить голодомъ 22,000 плѣнныхъ Французовъ, посаженныхъ въ тюрьмы; а какъ всѣ сїи люди были защитники отечества: то нужно учредить новой денежной сборъ, для содержанїя помянутаго великаго числа военноплѣнныхъ въ Англїи. Сверхъ же того Директоры не упустили въ посланїи своемъ сказать: „что Англїйское правительство оказываетъ люотость противъ всѣхъ Французовъ.“

Прежде обнаруженїя сихъ интригъ, надобно, чтобъ истина отвѣчала: каждой военноплѣнной Французъ въ Англїи получалъ на день по фунту хлѣба и по полуфунту мяса. Напротивъ того, военноплѣнные Англичане во Францїи претерпѣвали голодъ и самыя жесточайшїя обиды. Французскїе военноплѣнные въ Англїи дѣлали возмутительные заговоры, а по сему и

держаны были подъ надлежащимъ присмотромъ.

Интриги Бонапарта состояли въ томъ, чтобъ клеветами раздражить Французской народъ противъ Англіи, и искуснымъ образомъ выманить у народа деньги для произведенія въ дѣйство своихъ предпріятій. Бонапартъ весьма не жаловалъ Питта; — но жалуетъ ли онъ тѣхъ, которые не одинаково съ нимъ мыслятъ и не выполняютъ его желаній?... Онъ изливалъ всю свою злобу на сего Министра, и между тѣмъ изъ сей непритворной ненависти извлекалъ великія выгоды. Объявивъ Питта непримиримымъ и жесточайшимъ врагомъ Французской Республики, велѣлъ депутату Момнарону оклеветать его распространителемъ убійственной системы, производимой во Франціи неприсяжными Священниками и выходцами. Директоры повѣрили словамъ депутата, и сдѣлали новое несправедливѣйшее гоненіе. Всѣ родственники выходцевъ изключены были отъ всѣхъ публичныхъ должностей и отъ всѣхъ правъ Французскихъ гражданъ въ избиратель-

ныхъ собраніяхъ, и пожитки ихъ были отобраны въ казну.

Бонапартъ употреблялъ всѣ мѣры, разгорячить, или, по его выраженію, *наэлектризовать умы* и привести въ движеніе противъ Англіи. На всѣхъ площадяхъ, на перекресткахъ прибиваемы были цидулки, въ которыхъ отъ каждаго требовали патріотическихъ пособій. Всѣ жаркіе патріоты *хотѣли* въ томъ участвовать; однакожъ сіе желаніе не имѣло ожиданнаго событія, и — что всего удивительнѣе — Бонапартъ, которой всѣмъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *ревностнѣйшаго патріота*, хотя имѣлъ болѣе ста милліоновъ, не пожертвовалъ ни одного ливра. Усердіе его въ Республикѣ обнаруживалось величайшимъ желаніемъ командовать предполагаемою экспедиціею, и занять Парижскую вѣтреную и легковѣрную публику театральными представленіями, гдѣ игрались не трагедіи, не оперы, но будущія *завоеванія и пророчества* о высадкѣ въ Англію.

Можно ли было обмануть такъ, какъ обманулъ Бонапартъ? Онъ никогда не ду-

малѣ о высадкѣ (*). Никто не воображалъ, чтобъ и Карно такъ искусно поддѣлъ хитреца Бонапарта. Карно, наскучивъ видѣть въ немъ гордеца, преисполненнаго непомѣрнымъ властолюбіемъ, желающаго повелѣвать и никому не повиноваться, рѣшился — сбыть его съ рукъ. На сей конецъ притворился, будто удивляется талантамъ Бонапарта, и отзывался объ немъ съ лестною для честолюбія его похвалою. Гордый Корсиканецъ, узнавъ о томъ, скоро отличилъ Карно отъ безчисленнаго множества льстецовъ своихъ; ибо Карно всѣхъ ихъ превзошелъ хитрою и притворною лестью. Онъ болѣе зналъ Бонапарта, нежели Баррасъ, Саличетти, Сіей, Бертье и другіе, къ нему приверженные; зналъ всѣ его слабости; и чрезъ нѣкоторыя угожденія достигъ до того, что получилъ отъ него довѣріе. Карно имѣлъ въ рукахъ своихъ прожектъ Лейбница, поднесенный Лудовику XIV, въ которомъ съ философическою точностію описывались выгоды,

(*) Публичные листы подтверждали, что Бонапартъ болѣе думалъ о мирѣ съ Англіею, нежели о высадкѣ на берега ея.

если бы вздумалось Государю послать экспедицiю въ Египетъ. Сей прожектъ представилъ онъ Бонапарту, какъ человѣку, исполненному ума, предпрiимчивости, дальновидности и храбрости. Бонапартъ, прочитавъ сей велемудрый планъ, ухватился за сiю мысль съ Французскою опромeтчивостiю, и занялся ею съ неописаннымъ Корсиканскимъ энтузiазмомъ. Между тѣмъ, какъ Бонапартъ трудился надъ планомъ Египетской экспедицiи въ своемъ кабинетѣ, Карно работалъ въ Республиканскомъ Совѣтѣ.

Чрезъ нѣсколько дней тайна сiя многимъ сдѣлалась извѣстною въ Парижѣ. Карно, желая болѣе утвердить Бонапарта въ принятомъ имъ намѣренiи, нарочно распространилъ слухъ о путешествiи въ Египетъ. Журналисты, дабы позабавить публику и доставить ей случай посмѣяться, описывали сiе предпрiятiе забавнымъ образомъ, и по праву *вольности* подчивали изобрѣтателя экспедицiи колкими стихами, разумѣя не инаго кого, какъ Бонапарта; но онъ съ своей стороны принялъ сiи эпиграммы не счетъ Карно, за кото-

раго, какъ долгъ повелѣвалъ, усердно вступился. Въ слѣдствіе сей справедливости, изданіе нѣсколькихъ журналовъ прекратилось, и журналисты обязаны были подписками не выдавать болѣе никакихъ публичныхъ листковъ ни въ Парижѣ, ни въ другомъ городѣ Французской Республики. Директоры, по совѣту Бонапарта, спѣшили приласкать Карно, которой, пользуясь сею благосклонностію, выпросилъ позволеніе у Директоріи возстановить запрещенный 4го Сентября 1796 года клубъ Салмской, нужный для исполненія его намѣреній. Директоры сначала не хотѣли удовлетворить его желанію; но послѣ согласились, съ такою однакожъ перемѣною, чтобы клубъ перенесъ свои засѣданія во *дворецъ равенства*. Имъ казалось, что съ перемѣною мѣста должны уничтожиться всѣ вредныя мысли въ Членахъ клуба, которые не слишкомъ выгодно отзывались о *ляти пустыхъ головахъ*, извѣстныхъ подъ названіемъ *Директоровъ*.

Если бы благоразумныя распоряженія Карно поддерживаемы были такими же дальновидными людьми, какъ онъ, то

Франція не стенала бы подъ чугуннымъ скипетромъ *самозванца*, поставляющаго за удовольствіе проливать человѣческую кровь, и на безчисленныхъ трупахъ невинныхъ жертвъ основавшаго деспотическую власть свою. Къ несчастію, во Франціи слишкомъ много Баррасовъ, Лефебровъ, Неевъ, Бертьеровъ, Дюроковъ, Коленкуровъ; но весьма мало такихъ, каковы были Дюмурье, Моро, Карно и Саразенъ. Исторія ожидаетъ имъ подобныхъ.

XVI.

ИЗВѢСТІЕ ОСМИДЕСЯТИЛѢТНЯГО СТАРЦА БАЛЬИ ТИНЬЕ, КАВАЛЕРА БОЛЬШАГО КРЕСТА, О ВЗЯТІИ ФРАНЦУЗАМИ ОСТРОВА МАЛЬТЫ.

Въ Январѣ 1798 года Парижское Директорство послало Г. Пуссіельня въ Мальту. Онъ остановился у своего однофамильца, богатаго банкира и Капитана гавани. Карусонъ, Французскій Консулъ, получилъ повелѣніе сдѣлать списокъ жителямъ, желавшимъ перемѣны. Правительство и Министръ одной великой Державы были о томъ увѣдомлены. Въ началѣ Марта Адмиралъ Брюейсъ, шедшій отъ Корфу съ

эскадрою изъ 12 кораблей линейныхъ; появился предъ Мальтою для развѣдыванія о происходившемъ на берегахъ. Онъ послалъ въ гавань корабль, требовавшій починки. Орденъ оказалъ ему всѣ возможныя пособія. Французская эскадра чрезъ 8 дней осматривала всѣ пункты острова, гдѣ можно сдѣлать высадку. Агенты Французскіе разсѣяли слухъ, будто Кавалеры, командовавшіе вдоль по морю, хотятъ измѣнить, что и лишило Кавалеровъ довѣренности у Мальтійцевъ. Гишпанскій повѣренный въ дѣлахъ и Гишпанскіе Кавалеры худо приняли нѣкоторыя средства, употребленныя для безопасности. Сіе показало Мальтійцамъ несогласіе между Кавалерами. Французскій Консулъ Карусонъ далъ знать Адмиралу Брюейсу, что великое число Мальтійцевъ соединится съ Французами, какъ скоро будетъ учинено нападеніе на Мальту. По полученіи извѣстія о сдѣланномъ въ Тулонѣ изготовленіи, и по увѣдомленіи изъ писемъ, что это цѣлитъ на Мальту, Кавалеръ де ла Туръ Дюпень настоялъ, чтобы привесть себя въ оборонительное состояніе, укрѣпиться

шанцами и палисадами, изготовить ружья, лафеты и пр.; но онъ ни въ чемъ успѣть не могъ.

Іюня 6 го появилась изъ 70 ти транспортныхъ судовъ и нѣсколькихъ фрегатовъ состоявшая часть Французскаго конвоя предъ Мальтою, ожидавшая остатка арміи, коею Бонапартъ предводительствовалъ. Безпокойство умножилось между Мальтійскими Кавалерами, которые хотѣли защищать островъ. Принцъ Камиль Роганъ получилъ начальство надъ милиціею; подъ его командою назначили Бальи Томази, достойнаго человѣка, которой однакожъ нигдѣ не служилъ, какъ на морѣ, и другаго Бальи Клюньи, 72 хъ-лѣтняго старика, который также отличился храбростію. Подъ начальствомъ такихъ предводителей хотѣли сражаться съ молодыми и предпріимчивыми Французскими Генералами.

Іюня 9 го прибылъ остатокъ Французской арміи и флота подъ начальствомъ Генерала Бонапарта, который въ 4 часа по полудни чрезъ Консула Карусона изустно объявилъ требованіе, чтобъ Французское вооруженіе впущено было въ Мальтій-

скую гавань. Оно состояло изъ 18 ти линейныхъ кораблей, 90 другихъ военныхъ судовъ, корветтъ, фрегатовъ, канонерныхъ шлюбокъ или бомбардирныхъ галіотовъ и изъ 300 транспортныхъ судовъ, на которыхъ посажено было 50 тысячь самаго лучшаго Французскаго войска. Сей великой флотъ протянулся отъ Гозо до Марса-Счирокко, и грозилъ во всѣхъ къ нападенію удобныхъ пунктахъ. Гроссмейстеръ собралъ Совѣтъ, который отвѣчалъ письмомъ, прося въ ономъ Бонапарта, чтобъ онъ письменно изобразилъ свое требованіе, сдѣлавъ притомъ ему замѣчаніе, что законы ордена и правила неутралитета не позволяютъ принять въ гавань больше 4хъ кораблей вдругъ; что безопасность самой гавани отъ сего зависитъ. Совѣтъ присовокупилъ къ тому, что орденъ всегда былъ въ миръ съ Франціею, и она не переставала увѣрять орденъ въ своей дружбѣ. Сіе письмо подано Консулу Карусону, который сообщилъ его Генералу Бонапарту на бортъ корабля л'Оріана. Онъ представилъ ему также списокъ Мальтійцевъ, обѣщавшихъ соединиться съ Фран-

цузами. . . . Число сихъ Мальтійцевъ простиралось до четырехъ тысячь; они вызвались при первой бомбѣ, которую броситъ Бонапарте въ городъ, перерѣзать Кавалеровъ. Когда въ Мальтѣ около 7 часовъ вечера увидѣли, что Бонапартъ не шлетъ къ нимъ Консула Карусона, то начали готовиться къ оборонѣ: правильно догадывались, что на другой день учинено будетъ нападенїе. Данъ приказъ милиціи принять оружїе, велѣно сдѣлать палисадники и окопы, и пороховые магазины изъ Коттонеры привезти въ городъ: дѣло, которое въ спокойныя времена требовало бы по крайней мѣрѣ дней осми. Должно было болѣе нежели за полчаса ѣзды перевезти больше 10,000 бочекъ пороху, и притомъ черезъ гавань. Бальи ла-Туръ Дюпень взялъ съ собою 16 Кавалеровъ, которые собрали 200 подъемщиковъ, и на другой день, въ Воскресенье, въ 4 часа по утру начали сїю опасную работу.

Всѣ приготовленїя къ оборонѣ произошли во время той же ночи. Едва собрано 7000 человѣкъ, чтобъ защищать всѣ пункты и берега, занимавшїе немалое про-

странство. Къ симъ немногимъ регулярнымъ войскамъ присоединилось не больше 3000 человѣкъ очень худой милиціи, которая поутру же и разсѣяна; число всѣхъ войскъ состояло только изъ 6,900 человѣкъ. Но въ Воскресенье, 10го Іюня, Бонапартъ въ 4 часа поутру высадилъ на берегъ войска въ семи разныхъ мѣстахъ. Онъ не встрѣтилъ никакого затрудненія; Комптуръ, или начальствовавшій надъ страною, Кавалеръ Б. . . не изготовилъ ни одной мины, по чему они и были безполезны; равно и крѣпости не снабдилъ сѣѣстными припасами, и Мальтійцы вовсе не хотѣли отважиться на оборону.

Б. . . роздалъ солдатамъ только по пяти, или по шести патроновъ на человѣка; въ нихъ почти вовсе не было пороху. Лафеты у пушекъ такъ сгнили, что большая часть ихъ по выстрѣлѣ развалилась. Даже нечѣмъ было заряжать пушекъ. Уныльсть распространилась между преданными ордену Мальтійцами; заговорщики, пользуясь тѣмъ, внушали, что всѣ Кавалеры измѣняютъ имъ, отъ чего безпорядокъ еще болѣе умножился. . . Сверхъ

того, Мальтійцы бѣжали какъ зайцы; сто Французовъ, вышедшіе на берегъ у Сенп-Жульеня, обратили въ бѣгство полкъ милиціи Биркаркерской, состоявшій изъ 1200 человѣкъ. Бальи Томази хотѣлъ защищать окопъ Насчіарской противъ Французовъ, высаженныхъ у Меллеги и Св. Павла; но отпѣсненъ другимъ корпусомъ Французовъ, вышедшихъ у Сенп-Жоржа и Сенп-Жульеня. Оставленный своею милиціею, съ крайнею нуждою могъ онъ отступить въ городъ. Французскій Генералъ Вобоа пошелъ тотчасъ на Чивита-Векхію. Сей городъ, не имѣя ни пушекъ, ни войскъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни Коммендапта, отворилъ ворота въ 9 часовъ поутру, и въ 10 часовъ вся страна со всѣми башнями и укрѣпленіями, кромѣ Марсы Счирокко, была во власти Французовъ. —

Большая часть Кавалеровъ, находившихся по симъ разнымъ постамъ, взяты въ плѣнъ. Они отведены къ Бонапарту, которой не устыдился сказать имъ: *Какъ могли вы подумать съ толлою бѣдныхъ крестьянъ защищаться противу войскъ,*

которыя побѣдили и покорили Европу? — Мальтійцы умертвили многихъ Кавалеровъ, охранявщихъ городскія ворота: де Валлу, де Монтазета, де л'Орми, д'Анделларе, и многихъ другихъ ранили. — Въ одиннадцать часовъ поутру выслали изъ гавани галеру, канонерную шлюпку и два галіота, дабы безпокоить высадку, которую дѣлали Французы у Сент-Жульена. Имъ дано 20 пущечныхъ зарядовъ; выстрѣлявъ ихъ (и не убивъ ни одного Француза!), они возвратились въ гавань. Сдѣлана также вылазка со стороны ла Піеты; но войска ни минуты не устояли противъ Французовъ. Они ушли въ укрѣпленіе ла Флоріану, которое могло бы дать имъ защиту, еслибъ у нихъ были пушки. Въ полдень оставалось въ службѣ не больше 4 хъ тысячъ человѣкъ, большею частію худо расположенныхъ; ими-то надобно было защищать городъ, крѣпости Мансель, Тинье, Риказоли, Сан-Анжело, ла Коттонеру, Брюигъ и островъ Сенглею. Если хотѣли прямо обороняться, то надлежало бы оставить всѣ удаленныя и даже моремъ раздѣленныя крѣпости, собрать въ крѣпкой го-

родъ 4,000 человѣкъ, и выгнать оттуда всѣхъ подозрительныхъ жителей. Симъ образомъ можно бы держаться два мѣсяца и ждать помощи.

Городъ Валетта наполнился бѣглыми женщинами и дѣтьми крестьянъ. Прочую часть дня палили съ крѣпостей изъ годныхъ пушекъ, что и производило шумъ, но Французамъ мало вреда причиняло. Около 9 часовъ вечера, когда заперли ворота, Бальи де С. Т., пораженный страхомъ, вдругъ оставилъ свой постъ на островѣ Сенглеѣ. Онъ съ Офицерами своими бѣжалъ съ кораблей къ городу, и долго принужденъ былъ ждать у воротъ. — Въ городѣ господствовало такое замѣшательство, что дозоры стрѣляли другъ по другѣ, и непрестанно была ложная тревога.

Въ полночь Трибуналъ Делла Роша, въ сопровожденіи Бароновъ и знатнѣйшихъ жителей, прибылъ въ палату. Онъ объявилъ Гроссмейстеру, что должно сдаться на капитуляцію. Гроссмейстеръ, по ихъ требованію, созвалъ Совѣтъ. Въ немъ положено было послать Бальи Саузу и Голландскаго Консула Формозу къ Бонапарту,

и заключить перемирїе для переговоровъ о капитуляцїи. Въ сей Совѣтъ не были призваны Бальи Горгао, Латуръ Дюпень, Сенп-Кентень, Беллемонтъ, де Тилье, Клюньи и Тюнье. Извѣстно было мужество сихъ Кавалеровъ большаго Креста: они воспротивились бы столь безчестной и постыдной сдачѣ. Въ понедѣльникъ, 11го Іюня, въ 5 часовъ поутру, получено во всѣхъ крѣпостяхъ повелѣнїе не стрѣлять. — Кавалеръ Дюпень защищался въ Марса-Счироко до 5 часовъ утра; но какъ не имѣлъ свѣстныхъ припасовъ, то съ честїю согласился на капитуляцїю. Онъ съ гарнизономъ своимъ возвратился въ городъ, и тамъ съ великимъ изумленїемъ узналъ, что городъ сдается. Бонапартъ не бросилъ ни одной бомбы въ городъ, и не палилъ по немъ изъ пушекъ; потому что Мальтїйцы, учинившїе заговоръ, согласились, по сему сигналу умертвить Кавалеровъ. Онъ отвѣчалъ Бальи Саузѣ и Голландскому Консулу, что во вторникъ, 12 го Іюня, вступитъ въ городъ; что между тѣмъ съ Испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ

Амато́мъ опредѣлитъ, какъ поступить съ орденомъ.

Такимъ образомъ взятъ крѣпкій островъ Мальта: 30,000 ружьевъ, 13,000 бочекъ пороху, свѣстныхъ припасовъ на 6 мѣсяцовъ, два линейные корабля, фрегатъ, три галеры, и другія небольшія военныя судна, 3 милiона ливр. золотомъ и серебромъ, находившіеся въ хранилищѣ Св. Іоанна, учинились добычею Французовъ. — Бос-Редонъ де Ренсижеатъ, Казначей ордена, Испанскій повѣренный въ дѣлахъ, и нѣкоторые Мальтійцы заключили и подписали распоряженія въ разсужденіи ордена. — Во вторникъ, 12 Іюня, Бонапартъ, до вступленія въ городъ, прислалъ нѣкоего Пико съ объявленіемъ къ Россійскому Министру О'Гарѣ, чтобъ въ три часа выѣхалъ изъ Мальты: Россійскій Кавалеръ то исполнилъ. С. П. . . получилъ позволеніе остаться при Гроссмейстерѣ. — Сей удалился съ острова 17 Іюня. Бос-Редонъ Рансижеатъ сдѣланъ Президентомъ городоваго правленія; Т. . . ,бывшій Инженернымъ Директоромъ, сдѣланъ Шефомъ бригады, и поѣхалъ съ Бонапартомъ. —

Бонапарте объявилъ, что Кавалеровъ, желающихъ съ нимъ отправиться, опредѣлитъ къ должности — и сорокъ восемь Кавалеровъ вступили подъ его знамена. Надобно сказать, что большая часть изъ нихъ были молодые и очень хорошіе люди, которые видѣли, что нигдѣ не будутъ приняты (*). — Іюня 19го Французскій флотъ отправился къ преднамѣренной экспедиціи.

XVII.

БОНАПАРТОВО ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ЕГИПТА ВЪ ПАРИЖЪ. — ПЕРЕВОРОТЪ.

Бонапартъ принятъ былъ въ Парижѣ съ распростертыми руками и съ тайными неудовольствіями въ сердцахъ. Страна, въ которой полагали погибель его неизбѣжною, доставила ему неожиданное возвышеніе и силу. Вмѣсто Директоровъ, долженствовавшихъ у него спросить: гдѣ дѣвалась ввѣренная ему 50ти-тысячная армія?

(*) Мы обязаны сказать, что почти всѣ сіи молодцы оспалились навѣкъ въ землѣ Египетской, гдѣ Генералъ Мену очень исправно пропѣлъ имъ *вѣчную память!*

онъ предупредилъ ихъ вопросомъ: *что вы сдѣлали послѣ меня? подайте отчетъ!* — и всѣ наклонили свои головы. Всѣ партіи замолчали, всѣ наперерывъ старались преклонить его на свою сторону, вмѣсто того, что ему надлежало бы за всѣми ухаживать. Бонапартъ совершенно зналъ Французовъ, а по тому и не трудно было ему достигать исполненія своихъ желаній. Онъ началъ хитростію, обѣщалъ покровительствовать каждой партіи по одиначкѣ, а между тѣмъ искусно выводилъ все, что ему было нужно. Тысяча шпіоновъ, получавшихъ хорошую плату, бѣгали по площадямъ, по кофейнымъ домамъ, по трактирамъ и повсюду; все, что слышали, пересказывали своему Шефу.

Въ числѣ сихъ шпіоновъ были довольно извѣстные люди и большая часть Генераловъ. Бонапартъ до того притворялся, что никто не могъ проникнуть настоящей его цѣли. Онъ принималъ на себя всѣ роли: былъ Якобинцомъ, Террористомъ, Роялистомъ; но никто не зналъ, что онъ былъ *настоящимъ Робеспіеромъ*. Одинъ разъ появился онъ въ Совѣтѣ Старѣй-

шинѣ, гдѣ не такъ-то выгодно объ немъ отзывались. Бонапартъ съ клятвою увѣрялъ, что онъ совершенно преданъ Республикѣ и ея постановленію, и между прочимъ въ оправданіе свое сказалъ: „Не о томъ говорить должно; если надобно открыть тайну, то я назову имена. Баррасъ и Мулень дѣлали мнѣ предложеніе, чтобъ я былъ начальникомъ ихъ партіи, которая хочетъ погубить всѣхъ людей съ хорошими правилами.“ — Старѣйшины ужаснулись. Всякому было извѣстно, что Баррасъ былъ его благодѣтель, а Мулень не рѣдко защищалъ его противъ безчисленныхъ справедливыхъ обвиненій. Нѣкоторые благоразумные люди ясно видѣли, что Бонапартъ имѣлъ *весьма хорошія* правила, и готовы были содѣйствовать тѣмъ, которые имѣли бы твердость удалить сего *честнаго человѣка*. Но число ихъ было невелико; а наконецъ чрезъ ссылки и тайныя злодѣянія ни одного не осталось. Страхъ оковалъ языки и отнялъ смѣлость.

Бонапартъ, не имѣя ни къ кому довѣрія, притворился въ ложной дружбѣ съ Сіеемъ. Сіей зналъ это, и сначала упо-

треблялъ хитрость; но когда дошло дѣло до объясненія и обѣщано ему было второе мѣсто въ Республикѣ; то Сіей начерталъ великой планъ, по которому должны были дѣйствовать люди, приверженные къ Бонапарту. Золото было главною основою къ предстоявшему перевороту.

Египетскій дезертеръ въ чинѣ Оберъ-Генерала Французской Республики велъ себя очень скромно въ публикѣ, посѣщалъ немногихъ, говорилъ весьма мало; но приказанія его и Сіея выполнялись со всею точностію. Ему нужно было сдѣлать пирушку, и Законодательный Корпусъ тотчасъ далъ ему вечерній столъ на 750 кувертахъ въ бывшей церкви Св. Сулпиція. Тысяча человѣкъ дожидались Бонапарта, находясь въ безпрестанномъ смятеніи; наконецъ дорогой гость пріѣхалъ. Всѣ устремили на него глаза свои, всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу, и всякому хотѣлось поговорить съ нимъ; но онъ мало занимался разговорами, и выпивъ за здоровье *соединенія всѣхъ Французовъ*, удалился быстро въ сопровожденіи своихъ Адъю-

тантовъ. Изъ 750 человѣкъ третью часть составляли его шпіоны.

Спустя три дни (9го Ноября), къ изумленію всѣхъ партій, города Парижа и всей Франціи Бонапартъ произвелъ — *новый главный переворотъ!*

Ноября 9го въ шесть часовъ утра происходило *чрезвычайное* засѣданіе Совѣта Старѣйшинъ. Бонапартъ тогда находился въ своемъ домѣ; но одинъ изъ Членовъ долженъ былъ за него дѣйствовать. Затвердивъ роль свою, продекламировалъ онъ предъ Совѣтомъ длинный монологъ, написанный Сіеемъ и тщательно процензированный Бонапартомъ. Въ немъ изложены были всѣ прежнія безпокойства, и потомъ представлялись сильныя убѣжденія, дабы сдѣлано было опредѣленіе, въ силу котораго Законодательный Корпусъ долженствовалъ удалиться изъ Парижа въ Сент-Клу, и тамъ, на другой день, въ замкѣ держать свое засѣданіе. Далѣе, предлагалось сдѣлать строгое запрещеніе, дабы никакое распоряженіе Правительства не производилось безъ Генерала Бонапарта, коему подчинить всѣ войска въ Парижѣ и вокругъ онаго. Всѣ

граждане должны быть приглашены помогать Генералу Бонапарту вооруженною силою. — Всякой изъ Членовъ, которой не принадлежалъ къ сей партіи, видѣлъ, что такимъ образомъ вся власть отдавалась въ руки Бонапарта. Но противорѣчить никто не отважился. Совѣтъ принялъ предложеніе подставленнаго оратора, и тотчасъ обнародовалъ свое опредѣленіе.

Въ 8 мъ часовъ поутру Бонапартъ явился въ Совѣтъ. Старѣйшинъ съ видомъ наружнаго почтенія. Ему прочли опредѣленіе, вручили бумагу, которую онъ принялъ съ величайщимъ удовольствіемъ, и говорилъ краткую, однакожъ заранѣе приготовленную рѣчь. *Реслубліка погибала* — сказалъ онъ: — *вы это узнали; вы сдѣлали опредѣленіе, которое спасетъ Реслубліку. Наши арміи исполнятъ его. Мы желаемъ реслубліки, основанной на вольности, равенствѣ, собственности и на національномъ представленіи. Мы получимъ ее, клянусь въ томъ* (*)!

(*) Иначе: „Дайте мнѣ только волю, то я проучу васъ и Реслубліку.“ Онъ не нарушилъ клятвы своей.

Вмѣстѣ съ Бонапартомъ клялись сопровождавшіе его Генералы: Бертье, Лефебръ, Ланнъ, Мюратъ и многіе другіе.

Три Директора: Баррасъ, Гогье и Мулень, узнавъ о происходившемъ, прибыли въ Палату Директоріи и послали за двумя своими товарищами, Сіейемъ и Рожеромъ-Дюко; но Сіей вмѣсто отвѣта сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ Совѣту Старѣйшинъ. Рожеръ-Дюко послѣдовалъ за нимъ. Три Директора, по нѣкоторомъ совѣщаніи, хотѣли дѣйствовать со славою, приказали позвать къ себѣ Парижскаго Коменданта Лефебра; но получили отвѣтъ, что онъ болѣе не Комменданть, а состоитъ подъ командою Генерала Бонапарта. Мулень хотѣлъ послать баталіонъ арестовать Бонапарта; но Офицеры объявили, что они отъ одного только Бонапарта должны принимать повелѣнія. Баррасъ сердился, Мулень кричалъ, Гогье говорилъ вздоръ. Если бы сіи три человѣка были хотя нѣсколько рѣшительнѣе, тогда бы все перемѣнилось. Вскорѣ прислано было посланіе къ симъ Директорамъ, чтобъ они сложили свое званіе.

Баррасъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не соглашался, и надѣялся, что Бонапартъ, изъ благодарности, не нанесетъ ему неудовольствія. Онъ потребовалъ переговоровъ; но Дюрокъ привезъ ему рѣшительной отказъ. Увидѣвъ себя безсильнымъ, принужденъ былъ повиноваться, однакожъ не поѣхалъ въ Совѣтъ. Дюко и Мулень сложили также свое званіе. Въ два часа не было уже Директоріи!

Члены Пятисотнаго Совѣта, бывъ извѣщены, что Директоровъ болѣе не было, собрались въ залу и думали оказать прежнюю свою силу. Первый вопросъ ихъ былъ: кто командуетъ войсками въ Парижъ? — *Генералъ Бонапартъ*, — отвѣчали имъ. Ругательства со всѣхъ сторонъ посыпались на Бонапарта; произошелъ страшный шумъ. Но тѣмъ ли должно было заниматься? въ залѣ ли надлежало дѣйствовать? . . . Чрезъ нѣсколько времени вошелъ Бонапартъ въ сопровожденіи гренадеръ съ примкнутыми штыками и объявилъ опредѣленіе Совѣта Старѣйшинъ. Члены толико страшнаго Совѣта встали съ своихъ мѣстъ и разошлись съ гнѣвомъ

и шумомъ. — Какая ошибка! Если они рѣшались на дѣло важное — неповиноваться; за чѣмъ было соглашаться на опредѣленїе, и тотчасъ не арестовать Бонапарта? Они опомнились, однакожъ не прежде, какъ на другой день. Тогда было уже поздно. Войска были призваны и обольщены новымъ властителемъ.

Бонапартъ издалъ прокламацїи къ солдатамъ и къ національной гвардїи. Деньги и вино, вино и деньги произвели усердїе въ солдатахъ, не получавшихъ ни жалованья, ни достаточной пищи.

Ноября 10го Бонапартъ прискакалъ изъ Парижа въ Сенп-Клу, гдѣ Совѣтъ Старѣйшинъ держалъ засѣданїе. Онъ явился, окруженный своими *Генералъ-Адъютантами*, и говорилъ рѣчь, въ которой опять клялся избавить отечество (*), и между тѣмъ прибавилъ, что постановленїе не можетъ спасти его, ибо оно ни кѣмъ не уважаемо (т. е. всѣми, кромъ его); что въ Парижѣ бунтъ не минуемъ; но онъ разрушитъ всякое покушенїе. — Не стран-

(*) Стало-быть, Корсику.

но ли покажется: въ Парижѣ готовился бунтъ, а Бонапартъ окружилъ пушками Сенп-Клудской замокъ и зданіе, гдѣ собрался Пятисотный Совѣтъ? Члены сего Совѣта имѣли при себѣ кинжалы, а иные вооружены были даже пистолетами. Бонапартъ вошелъ въ залу съ четырьмя гренадерами. Многіе голоса при его появленіи закричали: *Вонъ Бонапарта! объявить его ссылочнымъ, осужденнымъ! умертвить этого Диктатора!* Бонапартъ поблѣднѣлъ. Тогда зазвучали шпаги, и ворвались въ двери Офицеры и солдаты. Бонапартъ былъ окруженъ нѣсколькими депутатами Департаментовъ, схваченъ за горло, и кинжалы готовы были поразить его; но въ это мгновеніе вскочилъ въ залу Лефебръ съ солдатами, избавилъ Бонапарта отъ смерти и вывелъ его дрожащаго изъ залы.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ залу Офицеръ, и приказывалъ именемъ Бонапарта всѣмъ изъ залы удалиться; но Члены Совѣта не хотѣли повиноваться, и поносили Бонапарта съ его сообщниками; тогда вошелъ въ залу Мюратъ съ сильнымъ отрядомъ гренадеръ, при барабан-

номъ боѣ, и штыками выгналъ всѣхъ Членовъ Совѣта. Бонапартъ во все сіе время находился въ ближнемъ коридорѣ съ Адъютантами своими, и былъ въ такомъ состоянїи, что не могъ входить въ распоряженїя; часто вбѣгалъ онъ въ боковую комнату залы, гдѣ находился Сїей, управлявшїй ходомъ произшествїй. Когда донесли ему, что зала очищена, тогда Бонапартъ потребовалъ лошадь и поскакалъ подъ сильнымъ прикрытїемъ на площадь. Народу объявили, что прежнее правленїе рушилось; Бонапартъ, Сїей и Рожеръ-Дюко провозглашены Консулами, хотя и временными, но съ неограниченною властїю.

Въ слѣдъ за симъ многїе изъ противной партїи взяты подъ стражу и брошены въ Венсенскую башню, названную государственной тюрьмою. Между арестантами находились преждебывшїй Принцъ Карлъ Гессенскїй, пивоваръ и Генералъ Сантеръ и проч. Всѣ 12 городовыхъ начальствъ въ Парижѣ отрѣшены. Три Консула назначили при себѣ Государственный Совѣтъ, изъ трехъ человѣкъ состоящїй. Совѣтниками назначены: Экс-Епи-

скопъ Талейранъ, Волней и Редереръ, люди, наиболѣе преданные Бонапарту. Талейранъ всѣхъ ихъ превосходилъ умомъ своимъ. Первыя дѣла Бонапартева Консульства столько извѣстны, что нѣтъ нужды упоминать объ нихъ!

Заключеніе.

Вотъ примѣры знаменитыхъ дѣяній тѣхъ Французовъ, которые служили образцами просвѣщенія и даже какой-то *любезности*! Не уже ли сія *любезность* принадлежитъ къ числу дѣяній, жестокостей и адскихъ хитростей исполненныхъ, коими вездѣ отличались Французы?

Вотъ образователи юношества! . . . . Было чему и есть чему научиться у сихъ просвѣщенныхъ наставниковъ! Это великая нація! —

Есть надежда, что и плѣнные Французы, въ Россіи находящіеся, могутъ замѣнить хорошихъ дядекъ, учителей и об-

разователей Россiйскаго юношества!! Однакожъ они смѣло могутъ казаться на глаза токмо тѣмъ, которые не хотятъ ни знать, ни вѣрить, что Французы въ 1812 году точно то же дѣлали въ Россiи, чѣмъ занимались они въ Италiи, Германiи, и проч. и проч.!

Чего и какихъ плодовъ ожидать отъ Французскаго воспитанiя?... Время покажетъ! Но не дай Богъ дожить до сего времени. —

Ядъ распространяется скоро; но изцѣленiе медленно. Кто не ускоряетъ пособiями, тотъ поспѣшаетъ къ гибели.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

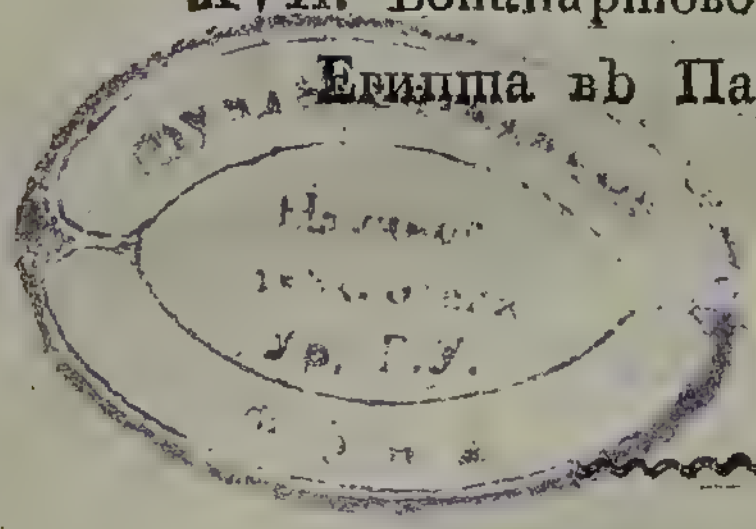
	Стран.
I. Адской зародышъ. - -	3
II. Поступокъ Бонапарта съ Генераломъ Анжеро. - - -	14
III. Бонапартъ въ Мальтѣ. -	15
IV. Уменъ ли Бонапартъ? - -	19
V. Бонапартъ въ Египтѣ. -	23
VI. Кюре и Карно. - - -	36
VII. Кто избралъ Бонапарта на всю жизнь остаться Консуломъ? -	37
VIII. Единодушное избраніе Бонапарта въ Императоры. - - -	38
IX. Тайной планъ Парижской Директоріи. - - - - -	39
X. Фреронъ и Иснардъ. - -	40
XI. Бонапартъ и Салиcетти стоютъ другъ друга. - - -	43
XII. Бонапартъ и Провера. -	50
XIII. Бонапартъ волшебникъ. -	52
XIV. Бонапартъ въ Павіи, 1796 года.	55
XV. Интриги Бонапарта и Карно.	56

Оглавленіе.

Стран.

XVI. Извѣстіе осмидесятилѣтняго старца Бальи Тинье, Кавалера большаго Креста, о взятіи Французами острова Мальты. . 63

XVII. Бонапартово возвращеніе изъ Египта въ Парижъ. Переворотъ. 74



Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на книгу: Сѣн-Клудскій Журналъ Наполеоновыхъ знаменитыхъ дѣлъ:

Въ Москвѣ.

Его Сіятельство Князь Иванъ Николаевичь Трубецкой.

Его Сіятельство Графъ Алексѣй Ивановичь Мусинъ - Пушкинъ.

Его Высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичь Трощинскій.

Его Превосходительство Дмитрій Ивановичь Кудрявцовъ.

Его Высокородіе Ростиславъ Евграфовичь Татищевъ.

Его Высокородіе Степанъ Григорьевичь Мельгуновъ.

Его Высокородіе Александръ Петровичь Вельяшевъ.

Его Высокородіе Николай Сергѣевичь Сафоновъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Васильевичь Побѣдоносцевъ.

Его Высокоблагородіе Левъ Алексѣевичь Цвѣтаевъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Ивановичь Трескинъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Федоровичь Ключаревъ.

Его Высокоблагородіе Максимъ Ивановичь Невзоровъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Михайловичь Батуринъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Яковлевичь Шапиловъ.

Его Высокоблагородіе Михайла Федоровичь Карелинъ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Ивановичъ Яковлевъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Михайловичъ Михайловъ.

Его Высокоблагородіе Афанасій Ивановичъ Юрасовъ.

Его Высокоблагородіе Андрей Родіоновичъ Кошелевъ.

Ея Высокоблагородіе Анна Александровна Лопухина.

Его Благородіе Василій Ивановичъ Яковлевъ.

Его Благородіе Гаврила Осиповичъ Бѣлаго.

Его Благородіе Василій Ильичъ Ложинскій.

Его Благородіе Яковъ Осиповичъ Колоколовъ.

Его Благородіе Семенъ Егоровичъ Северьяновъ.

Его Благородіе Александръ Васильевичъ Ивановъ.

Его Благородіе Матвѣй Степановичъ Ильинскій.

Его Благородіе Петръ Лаврентьевичъ Непорожневъ.

Его Благородіе Матвѣй Николаевичъ Калмыковъ.

Его Благородіе Никифоръ Никоновичъ Басалаевъ.

Его Благородіе Филипъ Даниловичъ Поваровъ.

Его Благородіе Сергѣй Михайловичъ Таировъ.

Прокофій. . . Хазовъ.

Неизвѣстный.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ.

Семенъ Ивановичъ Волненко.

Федоръ Михеевичъ Бабковъ.

Елисавета Петровна Сапина.

Вятской Купецъ Семенъ Ивановичъ Алакшинъ.

Купецъ Илья Амосовичъ Подобѣдовъ.

Церкви Николы въ Хамовникахъ діаконъ Иванъ Яковлевичъ Надежинъ.

Иванъ Матвѣевичъ Глазуновъ.

Осипъ Леонтьевичь Свѣшниковъ на 25 экз.
Степанъ Федотовичь Романчиковъ на 20 экз.
Иниховъ и Базуновъ на 10 экз.
Алексѣй Алексѣевичь Телепневъ на 5 экз.

Въ С. Петербургѣ.

Василій Алексѣевичь Плавильщиковъ на 25 экз.
Петръ Григорьевичь Ступинъ на 25 экз.
Федоръ Леонтьевичь Свѣшниковъ на 15 экз.
Иванъ Яковлевичь Петровъ.
Его Благородіе Петръ Сергѣевичь Пазухинъ.

Въ Орлѣ.

Его Сіятельство Г. Генералъ отъ инфантеріи, Фанагорійскаго гренадерскаго полку Шефъ и разныхъ Орденовъ Кавалеръ, Графъ Сергій Михайловичь Каменскій.

Ея Высокоблагородіе Наталья Григорьевна Скаряпина.

Въ Ярославлѣ.

Г. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Алексѣевичь Замыцкій.

Въ Троицкѣ.

Его Высокоблагородіе Петръ Николаевичь Домогацкой.

Въ Кіевѣ.

Его Благородіе Василій Гавриловичь Лапицкій на 5 экз.

Въ Шуѣ.

Его Благородіе Алексѣй Алексѣевичь Грибунинъ.

Въ Рыбинскѣ.

Его Сіятельство Князь Петръ Дмитріевичь Ухтомской.

Въ Саратовѣ.

Его Высокоблагородіе Яковъ Васильевичь Протопоповъ.

Его Благородіе Никита Степановичь Квятковскій.

Во Владимірѣ.

Московской купецъ Михайла Гавриловичь Щоловъ.

Въ Казани.

Его Благородіе Иванъ Гавриловичь Тверитиновъ.

Въ Тулѣ.

Андрей и Антонъ Красильниковы.

Въ Маріуполѣ.

Его Благородіе Михайла Петровичь Ляховичь.

Въ Симбирскѣ.

Алексѣй Дмитріевичь Смирновъ.

Въ Керенскѣ.

Г. Коллежскій Секретарь Семенъ Крайшевскій.

Въ Пензѣ.

Его Высокоблагородіе Григорій Васильевичь Гладковъ.

Научной библиотеки Ур. Г.У.

4237
И. Л.

11